**Иван
Вырыпаев**

ВИШНЕВЫЙ ЧЕЛОВЕК (Cherry man)

Пьеса в жанре абсурда в 3-х коротких актах

«ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. И что там в этих ваших газетах пишут?

ОФИЦИАНТ. У – Тхант бросил миру драматичное предупреждение.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Что это за предупреждение бросил этот ваш У-Тхант?

ОФИЦИАНТ (из-за газеты). «Сегодня мы являемся свидетелями начальной стадии третьей мировой войны». Однако ситуация не из приятных.»

(Тадуеш Ружевич «Пожилая женщина высиживает»)

ФИРС. В прежнее время, лет сорок-пятьдесят назад, вишню сушили, мочили, мариновали, варенье варили, и, бывало...

ГАЕВ. Помолчи, Фирс.

ФИРС. И, бывало, сушеную вишню возами отправляли в Москву и в Харьков. Денег было! И сушеная вишня тогда была мягкая, сочная, сладкая, душистая... Способ тогда знали...

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. А где же теперь этот способ?

ФИРС. Забыли. Никто не помнит.

(Антон Чехов «Вишневый сад»)

Двум, гениальным драматургам Тадеушу Ружевичу и Антону Чехову, посвящается. С благодарностью за возможность опираться на созданное вами.

Джиду Кришнамурти: «В нашем желании обладать, контролировать мысли, чувства и работу людей мы разделили себя на классы, классовые государства посредством классовых конфликтов и классовых войн; мы также делим себя на индуистов и мусульман, американцев и русских, рабочих и крестьян. Власть над вещами, сотворёнными человеком, наименее катастрофична; именно ментальное, психологическое рабство человека порождает столько дикости и разобщённости. Действительные причины войны скрыты в нашем нежелании сохранять внутреннюю, психологическую свободу. Пока мы не готовы отказаться от своих религий, догм, идеологий и систем мышления, шаблонов поведения и различных способов принуждения, – а это лишь цепи, в которые заковывает общество, чтобы контролировать, ограничивая понимание, – проблема насилия продолжит существовать. Из-за этих цепей неизбежно продолжатся хаос и страдание, какой бы ни была схема социального, политического, экономического или религиозного преобразования. И тем не менее мы можем жить в исключительной простоте и мудрости, а значит, и в мире, если наши умы и сердца не будут отягощены чувством собственности – вещами, созданными руками или умом. То, в чём мы нуждаемся в плане пищи, одежды и крова, придёт к нам простым и разумным путём, когда наша жизнь будет свободна от насилия. Эта свобода от насилия есть любовь», - Бомбей (Мумбай) 1948.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Джерри – 40/42 года.

Том – 45 лет.

Бернард – 60 лет, дядя Тома.

Сюзанна – 30/32 года (эту роль может играть только «белая» актриса, не «афро» ни «азиатской» внешности, только европеоидной расы).

Даниель – 33/35 лет (эту роль может играть только «белый» актер, не «афро» ни «азиатской» внешности, но только европеоидной расы).

Астра – 18 лет.

Голос – мужской голос появляющийся время от времени появляющийся в пьесе.

Пожарный – мужчина (он же может является и носителем Голоса).

Пожарная - женщина.

I акт

Большая гостиная в типичном американском доме (средний зажиточный класс), где теперь тут живут Сюзанна, Даниель и Бернард. В гостиной несколько дверей. Одни двери ведут в коридор, на конце которого входная дверь в дом, другие двери ведут на кухню, а третьи на второй этаж.

ГОЛОС. Добрый вечер (*утро, день прим. авт.*). Сейчас, вашему вниманию, будет представлена пьеса «Вишневый человек». Спектакль в трех актах, без большого антракта. Между первым, вторым и третьим актом будут сделаны короткие технические перерывы длительностью не больше 3-х минут, просим вас оставаться на своих местах.

Все тот же голос читает стихотворение.

«Никто не смотрит вниз»

Никто не смотрит вниз.
Когда внизу звенит звонок
И почтальон с письмом в руках
Последнее письмо.
Принес.
Последнее письмо.
Потерянный сюрприз
Внизу звонит звонок
Никто не смотрит вниз.

Приятного просмотра. Акт 1-ый.

В гостиной Сюзанна и Бернард. Бернард стоит у дверей ведущих на кухню, а Сюзанна посреди комнаты.

СЮЗАННА. Боже мой, мне кажется, я слышу звук подъезжающей машины? Ты слышишь, Бернард?

БЕРНАРД. Это ветер доносит звуки с шоссе, в нескольких километрах отсюда.

СЮЗАННА. Тише!

На секунду все прислушиваются.

БЕРНАРД. Я же говорю это ветер....

СЮЗАННА. Вот опять! Ты слышишь? Это машина! Это едут они! Прислушайся, Бернард. Это они!

За сценой слышится фонограмма звуков подъезжающего автомобиля.

БЕРНАРД. Святые, деяния, Господи! Кажется, в наш забытый богом уголок и вправду кто-то едет.

СЮЗАННА. Это они! Ну, скорее же, Бернард! Пойдем встречать их!

За сценой слышится фонограмма звуков подъехавшей и остановившейся машины.

БЕРНАРД. Святые Милосердные! Кто бы это только мог быть в такую погоду и в этот поздний час?!

СЮЗАННА. Это они, говорю же тебе, это они! Идем скорее! Ну, скорее же!

Сюзанна бежит к дверям ведущим из гостиной в прихожую. Бернард походкой старика идет вслед за ней, театральным голосом бормоча себе под нос.

БЕРНАРД. Боже, Святой Мой, как ветер опоясываешь нас верой в чудеса Твои. Не может этого быть! А вдруг это и правда они?!

Сюзанна, а вслед за ней и Бернард выходят из комнаты. В гостиной никого нет.

Из-за сцены раздаются голоса:

ГОЛОС СЮЗАННА. Джерри, Том, я знала, что когда-нибудь вы, обязательно сюда вернетесь.

ГОЛОС ДЖЕРРИ. Боже мой, Сьюзи, как ты похорошела! Сколько мы не виделись?!

ГОЛОС СЮЗАННЫ. Целую жизнь, Джерри!

ГОЛОС ТОМА. Сюзанна, дитя мое, какая ты красавица! Дай же я обниму тебя!

ГОЛОС ДЖЕРРИ. Бернард! Мой милый, дорогой мой дядюшка Бернард!

ГОЛОС БЕРНАРДА. Мать Святая, Святые жизнь всех смертей! Не могу поверить, что я не сплю.

ГОЛОС ДЖЕРРИ. Вполне возможно, что это сон. Но дай же я обниму тебя, мой старичок, хотя бы во сне.

ГОЛОС ТОМА. Никаких больше снов! Мы с Джерри проснулись и приехали, чтобы окончательно разбудить всех вас. Дай же я обниму тебя, Бернард!

ГОЛОС БЕРНАРДА. Не верю своим глазам, что вижу моего Тома. Святые Пресвятые упокой всех святых!

Двери в гостиную распахиваются и в комнату входят Джерри, Том, Сюзанна и Бернард.

ДЖЕРРИ (осматривая гостиную). Ах, боже мой! Тут все изменилось. От прошлой нашей с Томом жизни не осталось и следа.

СЮЗАННА. Мы с Даниелем, наконец-то накопили небольшую сумму, чтобы привести тут все хоть в какой-то порядок. Дом то ведь уже достаточно старый, так что мы все тут переделали на свой манер.

ТОМ. И правильно! Наши дома — это отражение наших внутренних миров. Когда в этом доме жили мы с Джерри, он выглядел соответственно нашим мирам, а теперь, когда здесь живете вы с Даниелем, он приобрел черты вашего внутреннего мира.

ДЖЕРРИ. Так вот он какой, ваш внутренний мир, Сюзанна и Даниель!

СЮЗАННА. Не уверена, что это до конца наш внутренний мир, Джерри.

Во-первых, мы смогли преобразить этот дом настолько насколько хватило наших скромных средств, а во-вторых, тут ведь с нами живет еще и Берnard, так что это и его внутренний мир.

ТОМ. Все что ты перечислила и ваши финансовые возможности и Берnard, все это теперь и является вашим общим миром. Ну, как говорить, мир этому дому! Кстати, а где же Даниель? Неужели все еще не вернулся с работы, или может быть уже пошел спать?

СЮЗАННА. Даниель еще одну ночь будет находиться в тюрьме.

ТОМ. В тюрьме?!

СЮЗАННА. Да, наш Даниель в тюрьме.

ТОМ. Что ты такое говоришь, Сюзан?! Даниель, в тюрьме?!

ДЖЕРРИ. В тюрьме?! Ох, боже мой!

СЮЗАННА. Наш, Даниель получил несколько суток ареста, но, скорее всего, завтра утром его уже выпустят, и он вернется домой. Представляю, как он удивится, увидев вас тут! Вот уже кого он точно никак не ожидал здесь увидеть, так это именно вас.

БЕРНАРД. Я признаться тоже никак не ожидал! И когда, уже с самого обеда, я стал замечать, что наша маленькая птичка Сюзан постоянно прислушивается к звукам за окнами, я списал это на то, что она тоскует по своему любимому арестованному муженьку, который никак не мог появиться здесь сегодня, ведь его предварительный арест заканчивается только завтра с утра, но, когда я собственными ушами услышал звук приближающейся машины за нашими окнами, то....

ТОМ. А за что арестовали бедного Даниеля? Это ведь, наверняка, какая-то ошибка, не так ли?

СЮЗАННА. Его обвиняют в том, что занимался сексом с несовершеннолетней девушкой.

ТОМ. Что, что?

ДЖЕРРИ. Но ведь этого не может быть!

СЮЗАННА. В том то и дело, что ситуация очень запутанная. Даниель и эта девушка пришли в гостиничный номер, который Даниель специально снял для этого, в 22.00. Это случилось 2 октября, а дело в том, что 3 октября как раз день рождения этой девушки и ей 3 октября исполнилось 18. Так вот, Даниель уверяет, что они, как я уже и сказала пришли в номер в 22.30. На их «романтический ужин» с пиццей и дешевой выпивкой ушло примерно около часа. Потом они еще немного поговорили, и наконец, Даниель положил руку на ногу этой девицы, и поцеловал ее. По уверению Даниеля это случилось уже после полуночи, примерно в 00.10 минут, то есть к этому моменту этой девушке уже исполнилось

18 так что, когда они занимались сексом, девушка в этот момент уже была совершеннолетней и никакого преступления совершенно не было.

ДЖЕРРИ. О, Господи! Мне не по себе.

СЮЗАННА. Ну, что же это мы кормим наших дорогих гостей разговорами.

Бернард, пойди на кухню и придумай нам какой-нибудь ужин. А я немедленно отправляюсь наверх, чтобы приготовить вам комнату.

БЕРНАРД. С преогромным удовольствием приготовлю я сегодня такой ужин, что нигде, никогда и никто не накормит вас ничем подобным. Бегу и лечу.

Бернард очень игриво, выходит из гостиной.

СЮЗАННА. Для вас ведь не будет проблемой переночевать в бывшей комнате вашего малыша Джорджа? Теперь это комната для гостей, но если вас смущают воспоминания о вашем погибшем сыне, то я могу постелить вам и тут в гостиной, на этом диване.

ТОМ. Не знаю, как Джерри, но лично я уже давно смирился со смертью нашего Джорджа. Тем более, что смерть стала для него облегчением, ведь ты же знаешь, Сюзи, наш Джордж с самого рождения был, мягко говоря, не в себе, так что когда он трагически насмерть обварился кипятком, опрокинув на себя кастрюлю с кипящей водой, то в каком-то смысле мы все почувствовали облегчение.

ДЖЕРРИ. Не говори так, Том. Мне не было легко принять его смерть. Я и до сих пор иногда плачу по ночам, когда вспоминаю круглое личико нашего Джорджа, такое милое, и такое наивное, с таким странным отсутствующим взглядом.

Милый, милый наш Джордж! Он, кажется, даже и не понял, что вообще жил. Не могу, не могу забыть тебя, мой малыш!

СЮЗАННА. В таком случае, я постелю вам тут в гостиной на диване, чтобы не пробуждать в вас трагические воспоминания.

ДЖЕРРИ. Нет, нет. Я хочу этих воспоминаний. За этим мы сюда и приехали - за воспоминаниями. За ощущениями и чувствами. Поэтому мы будем спать в бывшей комнате нашего Джорджа, да Том?

ТОМ. Как ты скажешь, дорогая. Мне лично не только больно, но и немного приятно, снова вспомнить нашего малыша, и нашу прошлую жизнь в этом доме. Ведь, что не говори, а мы прожили тут почти что шесть с половиной лет. Тут был зачат наш Джордж, тут он родился, тут он опрокинул на себя кастрюлю с кипятком и сварился заживо и тут я первый раз в жизни переспал с чернокожей женщиной (*указывает рукой на Сюзанну*) с тобой Сюзан. Надеюсь, ты помнишь, как это случилось, черная плутовка?!

СЮЗАННА. Ну еще бы! Ты набросился на меня и силой овладел мной прямо вот на этом диване.

ДЖЕРРИ. Что, что?! Том?! Ты никогда не говорил мне, что ты овладел ею силой? Боже мой, Сюзан, я всегда думала, что между вами с Томом с первой вашей встречи вспыхнула искра неподдельной любви.

СЮЗАННА. Так оно и есть, Джерри. Просто первый раз был действительно очень неожиданным. Мне ведь тогда было всего лишь 19 лет, и мы с моим мужем Даниелем только пришли к вам в дом работать прислугой. Я убиралась тут в комнате, когда Том внезапно набросился на меня, повалил на диван, ну знаете,

когда на чернокожую молодую девушку набрасывается взрослый белый мужчина и валит ее на диван, срывая одежду и запуская свои пальцы в ее таинственную черную дыру, то согласитесь поначалу, становится не по себе, но потом, когда, как говорится «высохли слезы» и мы стали заниматься сексом регулярно, то и отношения между нами изменились. А потом, когда к нам присоединился вначале мой муж Даниель, а потом и ты Джерри, то жизнь вообще стала такой многообразной и насыщенной, что как говорить ни о чем уже жалеть не приходится. Ох! Ну, что же я все кормлю и кормлю вас разговорами. Располагайтесь. Пойду приготовлю вам комнату, постелю чистое белье и дам вам полотенца. *(Кричит в сторону кухни)* Берна-а-ард! Бернард! О господи, он совсем глухой! Старость сделала его глухим и глупым! Пойду скажу ему, чтобы он принес что-нибудь выпить. Вы ведь небось хотите выпить с дороги?

ТОМ. Ну, еще бы!

СЮЗАННА. Джерри, как обычно русской водки? У нас она есть!

ДЖЕРРИ. Ну, надо же! Вы как будто готовились к нашему приезду, хотя мы решили нагрять внезапно.

СЮЗАННА. В нашем холодильнике всегда есть русская водка. Даниель любит пропустить пару рюмочек за ужином. Тебе тоже принести водки, Том?

ДЖЕРРИ. Неужели твоя интуиция, Сюзанна, подсказала тебе, что мы внезапно нагрнем. При том, что мы два, как тут не были и мы практически даже не общались?

ТОМ. Ну, если бы у вас дома нашелся виски..., ты же знаешь, что я предпочитаю виски...

СЮЗАННА. У нас есть виски, Том. Сейчас скажу, Бернард чтобы он принес вам выпивку. И да, Джерри, сегодня с самого раннего утра, у меня было такое ощущение, что вы снова скоро появитесь в нашей жизни.

ДЖЕРРИ. Ну, надо же какая интуиция!

СЮЗАННА. Интуиция, доставшаяся мне от моих родителей, ведь они как ты знаешь, были не обычными пожарными как их коллеги, а особенными пожарными, которые всегда заранее чувствуют, где может возникнуть следующий пожар. Интуиция! Ну, пойду распорядюсь насчет выпивки. Оставляю вас ненадолго. Располагайтесь.

Сюзанна идет к двери. Останавливается в дверях.

СЮЗАННА. Рада, что вы приехали! Жаль, что Даниель сейчас в тюрьме. Но завтра он к нам присоединится. Даже не думайте, что вам удастся уехать раньше, чем через несколько дней. Мы вас ни за что на свете не отпустим! Отдыхайте.

Сюзанна выходит. Том и Джерри остаются одни. Том усаживается на диван, а Джерри отходит к окну.

ДЖЕРРИ. Нельзя говорить афроамериканке что она «черная плутовка» ты ведь можешь ее обидеть.

ТОМ. Перестань, Сюзанна прекрасно понимает, что я шучу и что я не расист. У нее прекрасное чувство юмора.

ДЖЕРРИ. А зачем вообще так шутить?

ТОМ. Ну, вот именно для этого, - для того, чтобы сбросить с себя все предрассудки и стереотипы и посмеяться над этим?

ДЖЕРРИ. А что смешного в том, что ты называешь человека «черной плутовкой»?

ТОМ. Ну, смешно прежде всего, то, что она не обижается.

ДЖЕРРИ. А откуда ты знаешь, что она не обижается?

ТОМ. Ну, после всего что нас связывает и через что мы вместе прошли, уже я-то, знаю нашу Сюзанну и все ее реакции. Она не обижается, поверь мне.

ДЖЕРРИ. И все же, дорогой, я прошу тебя следить за своим языком, иногда ты можешь просто не заметить, как кто-то обиделся на твои не совсем однозначные шутки. Тем более, цветные, гомосексуалисты и инвалиды, ты же знаешь какой это обидчивый народец с ними лучше вести себя подчеркнуто вежливо.

Особенно сегодня, когда вся центральная и восточная Европа охвачена войной.

ТОМ. Кстати, мы весь день были в дороге и не читали газет. Интересно что сейчас происходит на мировых фронтах?

ДЖЕРРИ. Ох, Том, неужели ты еще не понял, что на мировых фронтах с того самого момента, когда обезьяны начали называть себя людьми – всегда без перемен.

Джерри идет к дивану и устало падает на диван.

Входит Бернард с подносом в руках, на котором, бокал с виски, стакан, наполненный льдом, и рюмка водки.

БЕРНАРД. Вот уж не предполагал, что когда-нибудь снова увижу своих господ. Вот так подарочек для старого слуги. Прошу вас, водочка, барыня моя, а для вас барин, виски и лед отдельно, кубик на кубике ледяная горка - чистый лед.

Бернард ставит поднос на столик перед диваном, на котором, расположились Том и Джерри.

ТОМ. Спасибо, дружище. А что это за странный тон у тебя появился, дядя Бернард? Толи ты над нами подшучиваешь толи, заигрываешь с нами?

БЕРНАРД. Старый слуга, очень рад что снова довелось мне увидеть моих господ. Думал уж так и уйду в сырую землю, не повидавшись с господами, а вон как судьба то распорядилась, совсем иначе.

ДЖЕРРИ. Мне тоже кажется, что говоришь ты весьма странно. Твое здоровье, Бернард.

Джерри выпивает рюмку водку.

ТОМ *(делая глоток виски)*. Твое здоровье, дядя Бернард.

БЕРНАРД. Здоровье, господ. Скоро уже и ужин будет готов, бегу на кухню, чтобы не подгорело мясо в духовке, с яблоками внутри, как барыня любила и с черносливом снаружи, как любил барин Том.

Бернард выходит.

ДЖЕРРИ. Что это с ним?

ТОМ. Да выглядит он не совсем здоровым. Возможно, его старая психическая болезнь вернулась в виде воспоминания. Ты ведь знаешь, что в детстве Бернард был несколько раз изнасилован христианскими священниками?

ДЖЕРРИ. Ну, конечно, знаю. Мы так много говорили с ним об этом. Очень много. И очень часто. Возможно, чересчур много и чересчур часто, так что в итоге мы могли не заметить, как прошлое подменило нам наше настоящее.

ТОМ (*впадая в философское настроение*). Н-да, наше настоящее — это всего лишь прошлые воспоминания. Настоящее — это прошлое, и мы всегда где-то там в изнасилованном какими-нибудь христианскими священниками или русскими коммунистами прошлом.

ДЖЕРРИ (*также впадая в философское настроение*). Ох, да. И даже сейчас — коммунисты, фашисты и националисты все еще насилуют нас.

ТОМ. Ну, как же иначе, дорогая! Те, кого насилуют в прошлом они и в настоящем все еще подвергаются насилию или в лучшем случае сами кого-нибудь насилуют, если судьба предоставляет такой счастливый случай.

ДЖЕРРИ. Какой ты умный, Том!

ТОМ. А какая ты красивая, Джерри!

ДЖЕРРИ. Значит, между нами, все еще что-то есть?

ТОМ. Однозначно, между нами, что-то еще есть, дорогая!

Джерри подходит к Тому, и он игриво обнимает ее за талию.

Входит Сюзанна.

СЮЗАННА. Вижу, что вы еще не нанежились друг с другом, сладкая голубиная парочка.

Том отходит от Джерри и садится на диван.

ТОМ. Это все от нахлынувших на нас воспоминаниях. Все-таки столько всего случилось с нами со всеми в этом доме! Мы не были тут два года, и вот оказавшись в этой гостиной мы снова как будто бы оказались в нашем прошлом, которое, как мы только что тут обсуждали — является нашим настоящим.

ДЖЕРРИ. А что случилось с нашим Бернардом, Сюзанна, он как будто немного не в себе?

СЮЗАННА. Боже мой, Джерри, ваш дядя Бернард и правда не в порядке. Вот уже почти что полгода как он принимает себя за русского, который во всем виноват. В результате какого странного психического отклонения бедняга Бернард стал считать, что он русский и что он виноват во всем. И не только в том, что происходит сейчас в Европе, но и во всех плохих вещах, которые случаются даже здесь на нашей материке. Например, когда неделю назад в очередной американской школе очередной сумасшедший, как всегда, расстрелял очередных школьников, то наш Бернард, считая себя русским был уверен, что вся вина лежит в том числе и на нем. А еще, он считает себя нашим слугой. Мне кажется, что он думает, будто он русский крепостной слуга, который служит в

семье знатных русских дворян. Вот, такая беда случилась с нашим Бернардом и как ему помочь мы не знаем.

ДЖЕРРИ. О боже мой! Это действительно серьезное заболевание ни с того ни с сего считать себя кем-то другим, а тем более ужасным русским.

ТОМ. Вы уже пробовали отправить его к психиатру?

СЮЗАННА. Ох, Том, если бы знал, как мы жили все это последнее время. Ну какой там психиатр для Бернарда? Мы ведь если честно все нуждаемся в срочном лечении. А особенно наш Даниель. Сколько голубей он убил в последнее время, что страшно даже подумать об этом. Дня не проходит без того, чтобы Даниель не убил несколько голубей. Так что болезнь Бернарда — это, пожалуй, самое безобидное что у нас есть. Он то всего лишь чувствует себя виноватым во всем, а вот Даниель, как раз наоборот, стал считать, что во всем виноваты все вокруг, а особенно голуби и КФС.

ДЖЕРРИ. КФС?

СЮЗАННА. Ну, да закусовые КФС!! Даниель считает, что они были созданы тайной сатанинской организацией вместе с представителями Ку-клукс-клана. И что если в ближайшее время правительство США не предпримет решительных мер по выявлению этой секретной организации и не арестует ее белокожих евреев-инвесторов, то он Даниель начнет действовать самостоятельно. И вот этого я боюсь больше всего. Ведь, вы же знаете, что наш Даниель способен на многое, а если честно, то почти что на все.

ДЖЕРРИ. О боже мой куда катится человечество?!

ТОМ. Оно никуда не катится, дорогая моя, человечество это ведь не шар, чтобы ему куда-то катиться, человечество — это сгусток желтой слюны, люди — это плевок Господа в лицо Вселенной.

СЮЗАННА. Том, а ты, как я вижу, по-прежнему все такой же обаятельный, остроумный и отвратительный!

ТОМ. А ты все такая же манящая, привлекательная и невыносимая!

СЮЗАННА. Белая прогнившая смерть.

ТОМ. Тьма светит во тьме.

СЮЗАННА. Белый ад.

ТОМ. Цвет другой стороны луны.

СЮЗАННА. Изнасилование прошлой любви.

ТОМ. Мучительные воспоминания о будущем.

СЮЗАННА. Можно я обниму, Том?

ТОМ. Мы должны немедленно обняться, Сюзи. Мы с Джерри так скучали по вам с Даниелем.

Том, встает, подходит к Сюзанне, и они обнимаются. Сначала формально, потом дружески, а потом очень нежно, как любовники.

ДЖЕРРИ. А тебе, не кажется, что у вас в доме очень тусклый свет, Сюзанна? У меня и так-то зрение плохое, а при таком освещении, я уже вообще ничего не вижу.

СЮЗАННА. Сейчас, я прибавлю света, дорогая. Сейчас.

Том и Сюзанна продолжают нежно обниматься.

ДЖЕРРИ. Да нет, что ты, дорогая! Это я просто так, ворчу по старой памяти, как хозяйка этого дома.

СЮЗАННА. Наверное, это случается с каждым кто возвращается в свой бывший дом.

ТОМ. Ну, разумеется, как можно вернуться в свое прошлое?! В нем можно только заново оказаться.

Входит Бернард. Он катит стол-тележку, на которой ужин. Множество тарелок с какими-то странными блюдами, а также ведро со льдом, в котором бутылка шампанского, рядом на столике - запотевшая из морозильника бутылка водки, рюмки и несколько бокалов. Бернард подвозит тележку к столу и начинает переносить всю еду с тележки на стол.

БЕРНАРД. Много лет назад вишню сушили, мочили и ебали. Помню, как однажды, папенька мой, царствие ему небесной невесты дом мокрых трав, когда был он еще живым, то сказал он однажды нам малым детям следующие слова, - дети никогда не забывайте, что вы сукины дети, а вишня — это то, что заставит вас очень сильно и долго страдать, пока окончательно не забудете вы о ней. Но о вишневом саде забыть нельзя. Вишневый сад будет преследовать вас еще много, много тысяч лет, ну по крайней мере, три. Так что откушайте ужин, мясное и соус к нему, подаются на одной тарелке без смуты и обид, с жиром размазанным, как и положено по старорусской традиции размазанным по всем по краям тарелки, и поэтому куда ты не посмотришь, а он тут как тут, ебаной милости барсучий жир. Так что милости, прошу.

ТОМ. Ты это о чем, Бернард?

БЕРНАРД. Ну как это о чем? О том, что поймать барсука и ебать барсука это одно и то же, барин мой.

ДЖЕРРИ. О боже мой, он действительно очень плох.

БЕРНАРД. Все русские действительно очень плохи, для этого и создал их Господь Тюльпан, чтобы они несли в мир зло.

ТОМ. О, Господи, ему нужна помощь, Сюзанна, и причем кажется немедленно.

СЮЗАННА. Ну, не знаю как на счет того, чтобы немедленно. Мы подобный бред слышим уже почти полгода. Причем, иногда, он вроде бы приходит в себя, а иногда как будто снова теряется в глубинах своего адского сознания, где черт возьми что творится с его душой.

ДЖЕРРИ. Ну, а можем ли мы есть эту еду, приготовленную им? В том смысле не добавил ли он туда молотого стекла или крысиного яда или ртуть?

БЕРНАРД. А я ведь все слышу, барыня моя. Думаете, что старый слуга совсем выжил из ума? А как бы не так! Ум мой давно уже мертв, поэтому и выжить из него никак нельзя. Но вот, что я скажу вам перед тем, как начнете вы пить и есть. Еда никому не дается даром, даже Патриарху Китайской Поднебесной Руси, не говоря уже об убитом красной армией Последнем президенте США. Еда — это пища, которая ведет свое историческое происхождение из птиц. Кто много ест, тот много ест птиц. Потому что знаете ли вы что такое ложь? Ложь это все что вы считаете правдой, вот что такое ложь. Все что вы считаете правдой это и есть ложь. Правда — это ложь, такие вот дела. Ну, а теперь милости прошу к столу.

Откушайте, как говорится, чем Бог послал. Свежее мясо в европейском соусе, жир барсука и печень калифорнийской свиньи с шампанским и водочкой на западный манер.

Пауза. Все, кроме Бернарда нехотя приступают к ужину. Но едва попробовав – все приходят в восторг – так им понравился приготовленный ужин.

ТОМ. Мм! Ну, надо же, действительно очень вкусно!

ДЖЕРРИ. Давно не ела ничего подобного! Из тебя бы вышел отличный повар, Бернард.

БЕРНАРД. Так ведь он и вышел, барыня моя.

СЮЗАННА. Бернард каждый день готовит нам что-нибудь удивительное. А однажды он даже в шутку приготовил нам несколько убитых Даниелем голубей.

ДЖЕРРИ. Какой кошмар!

ТОМ. Просто отвратительно!

СЮЗАННА. Нет, что вы! Это было очень вкусно!

БЕРНАРД. Голуби для того и живут на свете, чтобы их убивали и делали из них гуляш.

СЮЗАННА. Пальчики оближешь. Если завтра Даниель, который я надеюсь, все-таки выйдет утром из тюрьмы, убьет к обеду парочку, другую голубей, то прошу тебя Бернард, приготовь дорогим нашим гостям свой знаменитый гуляш. Пусть они сами убедятся, что это за шедевр на все три звезды Мишлена твой голубиный гуляш.

БЕРНАРД. На все воля Господа Звезды Солнечного дня. Если решит Господь Мать Сырая Земля что некоторым голубям завтра, так же, как и другим людям на войне быть убитыми и прекратить свои жизни тут на поверхности всех форм, то я нет сомнения в том, что сделаю из трупов этих самый наивкуснейший на свете, отрубленные пальчики оближешь, гуляш – сомнений нет. Сомнений нет.

Все, кроме Бернарда с большим удовольствием едят приготовленный ужин, засовывая куски еды себе во рты.

ДЖЕРРИ. Боже мой, как это вкусно! Никогда не ела ничего подобного! Ты просто гений, Бернард!

ТОМ. Да это и вправду один из самых вкусных ужинов, которые я имел за всю свою жизнь, как тебе это удалось в чем секрет?

БЕРНАРД. Я думаю, что секрет в корейском происхождении убитого Малыша.

Пауза.

ДЖЕРРИ. Что, ты сказал, я не поняла, Бернард?!

БЕРНАРД. Вы ведь наверно, слышали, что в Корее едят сукиных детей?

СЮЗАННА. Нет, Бернард! Нет! Ты же не сделал этого, нет?!

ТОМ. Чего он не сделал, Сюзи?!

ДЖЕРРИ. Какого это еще убитого малыша, Бернард?

Том, Джерри и Сюзан отодвигают свои тарелки с едой от себя и кладут вилки и ножи на тарелки. Им всем становится не очень хорошо.

СЮЗАННА. Это мясо, которое мы сейчас едим, это же не Малыш, да, Бернард?
БЕРНАРД. Это именно он! Ты что не знала, что Даниель убил малыша еще на прошлой неделе, а потом приказал мне разделать его и положить в морозильную камеру.

ДЖЕРРИ (*Кричит*). Ой! Мы что съели ребенка?

СЮЗАННА. Даниель убил Малыша наших корейских соседей?! Боже мой, почему ты не сказал мне, Бернард?!

ТОМ (*вскакивая*). Ой! Ой! Ты, что скормил нам человека, чокнутый придурок?!

Джерри и Том закрывают руками рты, потому что их сейчас вырвет.

СЮЗАННА. Нет, нет, ну что вы! Малыш не человек. Малыш — это имя пса наших соседей. Он пес.

БЕРНАРД. Корейский пес! Наши соседи иммигранты из Южной Кореи. Они приехали недавно, и привезли с собой свою собаку по имени Малыш.

СЮЗАННА. Которая недавно у них пропала, так что они даже расклеили по всему участку объявления с приметами пса. Так это же, получается, что наш Даниель убил их Малыша?

БЕРНАРД. Я думаю, что не нужно им говорить об этом, начнутся суды, выяснится что у вас тут живет русский слуга. А сегодня не один присяжный не отдаст голос в поддержку русского, так что дело будет проиграно. К тому же, жизнь этой псины не прошла даром. Он был веселым при жизни, и как выяснилось вкусным после смерти. Так что его душа сейчас, наверняка в собачьем раю.

Том и Джерри зажав рты руками выбегают из кухни.

СЮЗАННА (*выходит из себя*). Как ты мог утаить это от меня?! Почему ты сразу же не сообщил мне про то, что Даниель убил эту несчастную псину, Бернард?!

БЕРНАРД. Даниель пригрозил мне тем, что расскажет всем нашим соседям, что я русский. И тогда сама понимаешь моя жизнь превратиться в сущий ад, на фоне того, что сейчас мой народ вытворяет в центре Европы уничтожая всех и вся.

СЮЗАННА (*кричит*). Ты не русский, Бернард. Ты американец! Ты просто придумал это себе! Твои родители были американцами! У тебя же есть их фотографии!

БЕРНАРД. Они были русскими и скрывали это от всех!

СЮЗАННА. Ну конечно же нет!

БЕРНАРД. Мне лучше знать, кем на самом деле были мои родители.

СЮЗАННА. Ты же сам говорил нам с Даниелем, что твои родители были белыми расистами и членами Ку-клукс-клана! Ты же сам просил у нас с Даниелем прощение, за то, что ты сын расистов живешь с нами черными в одном доме. И мы еще сказали тебе, что дети за родителей отвечают только на страшном суде, а не в этой жизни и оставили тебя жить у нас.

БЕРНАРД. Мои родители действительно были расистами и убили немало чернокожих, но я не сказал вам, что они ко всему прочему еще были и русскими. Мои родители были русскими расистами, вот о что я все это время скрывал от вас.

СЮЗАННА. Прекрати нести всю эту чушь, Бернард. Мы все прекрасно знаем, кем были твои родители. Они были, проклятыми белыми американцами из Канзаса. Том, твой племянник. Его отец родной брат твоего отца. У вас в роду нет и не может быть, никаких русских. Весь ваш род — это белые расистские свиньи, но вы никакие ни русские. Ты болен, Бернард. Тебе нужно начать посещать психотерапевта.

БЕРНАРД. Я русский и это наказание, этот кармический приговор, который Господь Вселенная Упавшая На бок Звезда Алых Стремительных псов выносит тем, кто в прошлой жизни изнасиловал свое собственное сердце прямо в рот.

СЮЗАННА. О боже мой! Бедный, мой Бернард!

Сюзанна подходит к Бернарду и обнимает его.

СЮЗАННА. Прошу тебя, обещай мне две вещи. Первое, это всегда сразу же сообщать мне о том, что и с кем сделал наш Даниель, а второе – что ты дашь мне отвести тебя к психотерапевту на консультацию. Обещаешь?

БЕРНАРД. Я так скучаю по своим родителям, Сюзанна. Моя мамочка была такой нежнулей. Она всегда гладила меня по голове перед сном. А мой папочка был таким остроумным он всегда так смешно шутил.

СЮЗАННА (*гладит его по голове*). Я уверена, что они сейчас смотрят на тебя из ада и гордятся тобой. Тем, каким хорошим и добрым человеком ты стал несмотря на то, что был их сыном.

БЕРНАРД. Любовь любит любить.

СЮЗАННА. Любовь любит любить, дорогой мой.

БЕРНАРД. Моя мамочка любила любить, но Господь все время мешал ей.

СЮЗАННА. Этот Господь иногда бывает таким жестоким и таким несправедливым, Бернард.

БЕРНАРД. Мой папочка хотел любить, но Господь поселил в его сердце только злобу и жесткость.

СЮЗАННА. Господь иногда бывает таким плохим и таким злым, милый мой, Бернард.

БЕРНАРД. Я хочу, чтобы кто-нибудь убил этого Бога.

СЮЗАННА. Это делали уже много раз, дорогой Бернард, но ничего не вышло, потому что Бог бессмертен.

БЕРНАРДА. Тогда пускай этот Бог поскорее убьет всех нас.

СЮЗАННА. Он именно этим сейчас и занимается, Бернард. Осталось подождать уже совсем немного. Думаю, что ты еще при жизни увидишь нашу общую смерть.

БЕРНАРД. Поскорей бы!

СЮЗАННА. Уже очень скоро. Потерпи. Уже очень, очень скоро Бог избавит эту землю от всех нас.

Входят Том и Джерри.

ТОМ. В следующий раз, Бернард, я прошу тебя сообщать нам из каких ингредиентов состоят приготовленные тобой блюда. Потому что нам бы с Джерри не хотелось бы узнать о том, что мы съели что-то не то, после того как «это» уже находится внутри нас.

ДЖЕРРИ. Тем более, что в нынешние времена, когда жизнь человека не имеет никакой ценности и каждый может себе позволить убивать и варить заживо всех подряд.

БЕРНАРД. Виноват. Понимаю, вашу философию – корейские собаки как и жители всех остальных стран, тоже имеют право жить и не мне Русскому Расисту Соединенных Штатов Америки лишать их жизни. Виноват.

СЮЗАННА. О боже мой! Не стоит так сильно из-за этого переживать. В конце концов, раз мы едим коров и свиней, то почему бы нам и собак с кошками не поесть, ведь все живые существа на этой планете равны, разве нет?

Пауза.

СЮЗАННА. Я ведь права, Том, все живые существа на этой планете равны?

ТОМ. Наверное, да, кроме может быть только мух.

ДЖЕРРИ. Что ты хочешь этим сказать, дорогой?

ТОМ. Этим я хочу сказать, что я убивал и продолжаю убивать проклятых мух. И не собираюсь останавливаться.

СЮЗАННА. Но ты признаешь, что мухи и люди равны?

ТОМ. Трудно с этим не согласиться. Тем более, очень часто бывает, что за один день убиваешь около десятка гребаных мух! Ну, конечно, равны.

СЮЗАННА. Это что снова, «черный юмор»?

ТОМ. Я бы сказал, что это белый юмор. Но ведь я знаю, что с юмором то у тебя все в порядке!

СЮЗАННА. Ну, конечно все в порядке, Том. Особенно с белым юмором. Белый юмор всегда такой смешной, и смеются всегда только белые!

ТОМ. И кстати, поэтому поводу есть очень смешной анекдот. Двое американских пожарных, стоят возле целого не горящего дома и из брандспойта заливают дом водой, а потом один поворачивает к другому и говорит, - тебе не кажется, что этот пожар каким-то странным? - Кажется, - отвечает второй, по-моему, тут совсем не было огня. – Тогда, зачем же мы залили весь этот дом водой, ведь теперь он может сгнить от сырости? - в недоумении спрашивает первый. – А ты что не знаешь, знаменитого мудрого выражения – Все что не сгорит, сгниет.

Пауза.

Сюзанна громко хохочет. Джерри и Том глядя смеющуюся Сюзанну тоже начинают хохотать.

БЕРНАРД. В прежние времена вишню сушили, варили и высмеивали.

Пауза.

Дверь в гостиную открывает и входит Даниель. Все поражены.

СЮЗАННА. Даниель?!

ДЖЕРРИ. Даниель?!

БЕРНАРД. Если это не призрак покойного папаши нашего Даниеля или Самозванца Дерзкого Повелителя Тот Кто ест Свиной тот и Сам Свиная Бронислава II, то это Даниель.

ТОМ. Это точно кто-нибудь из них. Привет, дорогой, наш Даниель! Признайся, что не ожидал увидеть нас с Джерри здесь?

БЕРНАРД. Сюрприз, за сюрпризом сюрприз, неожиданность за неожиданностью, беда за бедой! Ну и кто тут кроме Господа Бога верит в самого себя?! Кроме Него никто.

СЮЗАННА. Тебя что выпустили раньше времени, Даниель, что случилось?!

Даниель смотрит на всех диким взглядом.

ДАНИЕЛЬ. Привет. Рад всех видеть. А особенно вас Том и Джерри, какой сюрприз! Но новости у меня для вас не очень хорошие. Сегодня ночью я покончил с собой в тюрьме. Вскрыл себе вены гвоздем, который одолжил мне мой сокамерник, но подробности позже. Коротко говоря - я умер. Я могу войти?

Пауза.

СЮЗАННА. Конечно,ходи любимый мой. А ты уверен, что ты мертвец?

ДАНИЕЛЬ. Несколько часов назад я вскрыл себе вены гвоздем моего сокамерника, и теперь я точно знаю, что я мертвец.

ТОМ. Ты уверен? Откуда ты это знаешь, Даниель?

ДАНИЕЛЬ. Каждый кого нет, на сто процентов знает, что его нет.

ДЖЕРРИ. Господи, Даниель! Любимый, наш Даниель, что с тобой?!

ДАНИЕЛЬ. Я же говорю вам, несколько часов назад в моей тюремной камере я вскрыл себе вены гвоздем, который мне любезно одолжил мой сокамерник и я умер.

БЕРНАРД. Господь Создатель Всех Наебыватель, помоги нам отличить правду Твоего пиздежа от Пиздежа Твоей лжи. Так, кто же сейчас перед нами? Ты кто?

ДАНИЕЛЬ. Ну как это кто я? Для меня это совершенно очевидно - я труп.

Конец первого акта. Занавес.

ГОЛОС. Конец первого акта. Просим всех оставаться на своих местах, перерыв между актами продлится не больше 3-х минут.

ГОЛОС (*читает стихи*). «Нет никакого повода»

Сейчас ты не спокоен. Нет повода. Ты не спокоен.

Нет никакого повода.

Остановись.

Освободись.

Расслабься.

Нет никакого повода, для беспокойства.

Любить все это нет, никакого смысла.

Прощать его не нужно. Это невозможно.
Простить.
Ты не простишь его.
Ты слишком глубоко вошла туда.
Нет никакого повода для беспокойства, нет никакого повода любить его, прощать нет никакого повода.
Поэтому и стоп.
Поэтому и нет.
Поэтому и
Нет никакого повода.
Ты слишком далеко зашла туда.
Ты слишком глубоко зашла в него,
Сейчас он не спокоен.
Он должен успокоиться.
Ты должен успокоиться.
Ты должен знать - нет никакого повода.
Ты должен это знать.

Приятного просмотра. Акт второй.

II акт

С момента как Даниель вернулся домой, прошло около двух часов с небольшим. В гостиной на диване развалились Даниель и Том (Том читает газету), Сюзанна сидит в кресле справа, а Джерри в кресле слева. Бернارد стоит у дверей ведущих в кухню.

ТОМ (*читая газету*). Целый день в дороге и не читал новостей. Один только день пропустил, а новостей уже столько, что и за целую ночь не прочесть.

ДЖЕРРИ. И что там в этих ваших газетах пишут?

ТОМ. У-Тхан бросил миру драматичное предупреждение.

ДЖЕРРИ. Что это за предупреждение бросил этот ваш У-Тхан?

ТОМ (*зачитывает из газеты*). «Сегодня мы являемся свидетелями начальной стадии третьей мировой войны». Однако ситуация не из приятных.

ДАНИЕЛЬ. А ну-ка, давайте-ка, выкладывайте на чистоту - кто из вас тогда первая догадалась, что у нас с Томом начались сексуальные шашни, а? Наверное, ты Джерри? Ну?! Когда ты в первый раз узнала, что мы с твоим муженьком, творим друг над другом самый настоящий секс? И при том еще какой, да, Том?

ДЖЕРРИ. Ну, знаешь, Даниель, это ведь случилось так давно, что теперь уже никто не будет удерживать в своей памяти такие несущественные подробности?

БЕРНАРД. Да помилует Господь Справедливый Поджигатель тех, кто поклоняется Ему и следует путями Его, чтобы обмануть Его.

ДАНИЕЛЬ. Даю руку на отсечение, что тогда первой все это пронюхала именно ты, Джерри?

ДЖЕРРИ. Повторяю, - ну кто станет удерживать в своей памяти, такие мало существенные подробности?

СЮЗАННА. Что, что?! Ну уж нет! Я свое первое место отдавать не собираюсь. Ну-ка, расскажи им Даниель, о том, как ты во время секса со мной, вдруг, стал называть меня по имени Том, а потом, когда все закончилось, как всегда, только для тебя, разумеется, ты признался мне, что мечтаешь, о том, чтобы на моем месте посреди этого пухового матраса извивался бы змеей, твоя новая, новая любовь Том.

ДЖЕРРИ. Нет, ну не может быть, чтобы это было похоже на правду! Ну, разве это правда, Даниель?

ДАНИЕЛЬ. Да как бы не так! Все это чистая выдумка моей, первозданной Сюзи, со всеми выдуманностями подробностями, потому что, когда мы с Томом трахались внизу в погребе на бочке соленых огурцов, то Том постанывая от наслаждения еще и умудрялся пересказывать мне подробности всех ваших последних разговорчиков о том, что вы специально подсылаете Тома ко мне, ты и сам Том, специально насылаете на меня Тома, для того, чтобы меня соблазнить, для того, чтобы потом уже мы могли бы заниматься этим втроем перемешиваясь друг с другом розовыми червями, а потом уже и вчетвером, притянув к себе и нашу Сюзан.

Пауза.

ДЖЕРРИ. А почему Том молчит? Сидит себе, такой притихший, как будто речь не о нем. Что ты обо всем этом думаешь, дорогой мой?

ТОМ. Да, мне, честно говоря, и сказать то особо нечего. Что это вообще за идиотскую дискуссию вы тут устроили, «кто первый узнал, да кто первый узнал?». Дело ведь не в том, кто первый узнал, а дело в том, что, кто знает.

ДЖЕРРИ. Если уж на то, пошло, дорогой Даниель, то это наш сыночек Джордж первый обо всем узнал. Потому что в тот вечер, после того, как это у вас с Томом в первый раз случилось, я имею в виду, когда вы с Даниелем первый раз изменили нам вашим женам друг с другом, и тогда Том сразу после этого, поднялся из погреба, в котором вы трахались, зашел на кухню, а там как раз на плите стояла огромная кастрюля с кипятком, которую вскипятила наша Сюзи, для того, чтобы сварить свиную голову целиком, которую нам подарил наш добрый сосед, убив свою свинью и любезно угостив нас ее головой. И в это же самое время на кухню зашел наш сыночек Джордж. Да, Том?

ТОМ. Не знаю, что на меня тогда нашло, вероятно лежавшая на столе окровавленная голова свиньи, ожидающая своего часа, чтобы оказаться в кипятке, а может и то, что прошлой ночью я плохо спал, но я, вдруг, сам до конца не понимая, что делаю схватил голыми руками за ручки кастрюлю с бурлящим кипятком и целенаправленно вылил весь этот кипяток прямо на голову...

ДЖЕРРИ. Этой свиньи....!

Джерри истерически хохочет и постепенно успокаивается. Несколько секунд сидит, неподвижно приходя в себя.

ДЖЕРРИ. Прошу прощения.

Джерри подходит к столику, на котором стоит графин с водой, наливает воду в бокал, пьет и отходит в дальний угол комнаты.

БЕРНАРД. Были времена когда-то, такие дикие и такие бедные, что ни у кого не хватало духу встать вот так вот перед всем своим и народом, встать на площади перед всей своей страной и с достоинством и силой глядя на народ сказать, - а у любви то вашей, ребятишки, есть всего только одно главное качество – ее нет. СЮЗАННА. Да, уж мы все прекрасно знаем эту трагическую историю о том, как наш бедный малыш Джордж нечаянно опрокинул на себя кастрюлю с кипятком и сварился заживо. Боже какая трагедия! Одно только можно сказать в утешение родителям, что малыш ваш, все-таки был очень болен и возможно, иногда, лучше даже, ну, как бы это сказать..., ну, побыстрее что ли, закончить эту ужасную жизнь.

ТОМ. Любая жизнь хочет жить, Сюзи, любая.

ДАНИЕЛЬ. В самую точку, дорогуша! Я вот именно так и сделал – взял и все прекратил, и скажу вам так, вот уже прошло несколько часов с тех пор, как я умер, и пока что я еще ни разу не пожалел об этом.

ТОМ. Интересно, Даниель, а что это за ощущение, быть мертвецом?

ДАНИЕЛЬ. Да в том и дело, братишка, что нет совсем никаких ощущений, в этом то и есть главный кайф – ощущать, что нет никаких ощущений! И что главное - нет больше никаких вас. И мне теперь абсолютно наплевать на всю вашу жизнь. И теперь во мне нет больше никакой ответственности, никакой жалости, никакой привязанности и зависимости. Меня вообще больше не касаются никакие подробности этой жизни. Я навсегда, навсегда мертвец.

ТОМ. Интересно, что это за ощущение – когда тебя абсолютно, абсолютно не касается вся эта невыносимая жизнь?

ДАНИЕЛЬ. Главное, что меня больше не волнует мое собственное тело. Потому что его нет. Я только дух. И цвет моей кожи, моя раса, моя национальность, мое гражданство и даже мой пол, все это перестало иметь для меня значения. Я просто дух. Чистый дух и мне на все глубоко, глубоко насрать.

ТОМ. Да, тебе ведь и при жизни, в общем то всегда было на все насрать, так что разница, невелика, жив ты или мертв.

ДАНИЕЛЬ. Ошибаешься, приятель! Разница есть, да еще какая! Тот, у кого нет тела, тот лишен и воспоминаний. Нет больше всех этих мучительных воспоминаний! Соображаешь, Том? Нет, больше всех этих травм, этой зависимости от воспоминаний от всех этих невыносимых воспоминаний, который формируют нашу настоящую жизнь. Ты всасываешь, о чем я, а Том? Потому что ты ведь, Том, просто ходячий набор воспоминаний, и ничего больше. Вся твоя настоящая жизнь это ведь просто память о прошлом, вот и все. А для того, кто умер, всего этого дерьма больше нет. Нет памяти нет и страданий. Нет тела, нет страдания, и на все насрать.

ДЖЕРРИ. Так ты что нам предлагаешь взять сейчас всем вместе и отправиться на тот свет?

ДАНИЕЛЬ. Я ничего вам не предлагаю, мне на вас абсолютно наплевать.

СЮЗАННА. И даже на меня, Даниель?!

ДАНИЕЛЬ. Извини, Сюзи, но ты должна понять одну простую вещь – я умер. Меня больше нет. И тебя для меня тоже больше нет.

СЮЗАННА. Но ты то для меня все еще есть! Всего каких-то там несколько часов прошло с тех пор, как я стала вдовой и так быстро перестроиться на новую жизнь, у меня не получится. Ты для меня все еще живой. Или как живой. Но ты для меня все еще есть! Мне то, что тогда делать, если ты для меня все еще есть?

ДАНИЕЛЬ. Я это всего лишь твое воспоминание, дорогая.

СЮЗАННА. Но оно же есть!

ДАНИЕЛЬ. Пока есть тело будут и воспоминания.

ДЖЕРРИ. Так, ты что же, Даниель, предлагаешь своей любимой женушке пойти поискать гвозди и отправиться вслед за тобой?

ДАНИЕЛЬ. Я ничего не предлагаю, Джерри. Я же говорю вам, меня ваша жизнь абсолютно не касается.

СЮЗАННА. Но, неужели и моя жизнь, Даниель? Моя жизнь? Тебе, что и правда не волнует, что я чувствую?!

ДАНИЕЛЬ. Ты ходишь по кругу, Сюзи.

СЮЗАННА. Но, а что мне делать то, что?!

ДЖЕРРИ. Вскрой себе вены или повесь себя на люстре, и тогда ты выйдешь из своего тела и тебе, как и нашему Даниелю, тоже будет на все глубоко, как он выразился – насрать.

СЮЗАННА. Ну, уж нет, Джерри! Я уж, пожалуй, сама решу, что мне делать с моим телом - убивать его или мазать увлажняющим кремом. Да и со своими воспоминаниями я тоже, пожалуй, разберусь сама.

ДЖЕРРИ. Ну, вот уж ты сразу и обиделась. И совершенно напрасно. Я ведь, только хотела сказать...

СЮЗАННА. А может и тебе тоже пора сдохнуть, дорогуша? А может быть и тебе тоже не помешало бы нажраться каких-нибудь таблеток и избавиться наконец-то от своего мерзкого белого расистского тела?!

ДЖЕРРИ. Не понимаю на что ты обиделась, Сюзи? Я ведь не призываю тебя расстаться с твоим телом, тем более таким черным и прекрасным, я только хотела предложить...

СЮЗАННА. А может мне тебе помочь сдохнуть, если ты сама не в силах этого сделать?! Я ведь, могу сейчас сходить за молотком в погреб и этим молотком разбить твою голову на мелкие куски от хрустального хрустала!

ДЖЕРРИ. Повторяю, тебе не нужно на меня обижаться, дорогуша. Я, всего лишь навсего, хотела сказать....

СЮЗАННА. Или может быть мне пожелать тебе, чтобы сдох твой куриный мозг? Хочешь, чтобы я тебе такого пожелала?

ДЖЕРРИ. Ты меня неправильно поняла, Сюзи, я хотела сказать...

СЮЗАННА. Желаю тебе, чтобы твой проклятый мозг сдох!

ДЖЕРРИ. Перестань, Сюзи!

СЮЗАННА. Желаю тебе, чтобы сдох твой мозг, чтобы сдохла твоя память и все твои мысли, чтобы превратились в запутанный клубок нераспутываемых проводов!

ТОМ. Ну, хватит, вам женщины, успокойтесь!

ДЖЕРРИ. А ты помолчи, Том. Еще не хватало чтобы всякие там мужики нам тут указывали, что нам делать.

СЮЗАННА. Желаю тебе, чтобы твой мужик как можно побыстрее сдох!

ТОМ. Остановись, Сюзи. Не нужно, оскорблять наши взаимоотношения. Между нами, ведь есть и немножко нежности, и чуть, чуть любви, и даже совсем немного дружбы.

СЮЗАННА. Желаю, чтобы наши отношения как можно скорее сдохли бы, вместе со всеми воспоминаниями о нежности, любви и дружбе. Желаю, чтобы любовь, дружба и нежность как можно скорее сдохли!

ДЖЕРРИ. Да, что это на тебя такое нашло, ты что так сильно переживаешь смерть своего мужа, да?!

СЮЗАННА. Желаю, чтобы мой муж скорее сдох!

ДАНИЕЛЬ. Так я и так сдох.

ДЖЕРРИ. Боже, как сильно она переживает смерть своего мужа!

СЮЗАННА. Да плевать я хотела на своего мужа, сдох и слава богу, по крайней мере, никто больше не будет меня насиловать по утрам, когда я еще сплю, но вот, то, что Том, несколько дней назад прислал мне письмо, в котором сообщил, по секрету, что вы собираетесь приехать, вот что мне не дает покоя больше всего. Интересно, - думаю я, - а зачем это Том предупреждает меня о вашем внезапном приезде, если они с Джерри договорись сделать нам сюрприз?

Пауза.

ДЖЕРРИ. А кстати, что ты молчишь то, Том?

ТОМ. А вот теперь и я начинаю немного хотеть твоей смерти, Сюзи.

СЮЗАННА. Зачем ты меня предупредил, Том?

ТОМ. Желаю тебе, чтобы ты скорее умерла вместе со своей проклятой памятью и глупым телом.

СЮЗАННА. А если бы ты знал, как воняет твое вонючее белое тело, ты бы заткнулся раз и навсегда.

ДЖЕРРИ. А кстати, ты почему молчишь, Том? Вопрос ведь был задан очень конкретный – зачем ты ее предупредил о нашем приезде, ведь мы же с тобой кажется, договорились сделать им сюрприз?

ТОМ. А если бы ты узнала, какие из тебя все время вываливаются тупые идеи и мысли, то бы заткнулась на веки вечные!

ДЖЕРРИ. Зачем ты ей написал, Том?!

СЮЗАННА. Желаю тебе, что твой рот и твое сердце отправились в самый страшный ад!

ТОМ. А если бы ты узнала, как воняют твои лживые глаза, ты бы выколола их своими мерзкими пальцами, навсегда!

ДЖЕРРИ (*кричит*). Сдохните, оба и заткнитесь! А особенно, ты, Том, сдохни и заткнись! И немедленно! Слышь, ты?! Немедленно отвечай на поставленный вопрос – зачем ты написал, Сюзи, письмо в котором предупредил о нашем приезде?

СЮЗАННА. Желаю, чтобы твой хитрожопый мозг скорее сдох, Том!

ДЖЕРРИ. Заткнись, Сюзи. Заткнись и сдохни! Отвечай на вопрос, Том.

Пауза.

ДАНИЕЛЬ. Да он просто решил заранее подготовить, Сюзи, к тому, что через несколько дней ее ждет хорошенький трах.

ДЖЕРРИ. Зачем ты ей написал, Том?!

ТОМ. Хорошо. Сейчас вы обо всем узнаете. Где это письмо, Сюзи? Можешь принести его сюда и прочесть.

СЮЗАННА. Мне не нужно никуда ходить, ни за каким письмом, потому что оно теперь уже навсегда со мной. Потому что я выучила его наизусть.

ТОМ. Не глупи, Сюзи. Принеси письмо, я хочу, чтобы ты его прочитала вслух. И тогда, возможно, все получат ответы на свои вопросы.

СЮЗАННА. Ну, что ж, если ты хочешь, чтобы я произнесла его вслух, то я могу, я же говорю, что я выучила его наизусть. И ты сейчас можешь в этом убедиться.

Мне читать?

ДЖЕРРИ. Выучила наизусть! Ну надо же какая актриса тут у нас появилась – выучила наизусть!

СЮЗАННА. Здравствуй, моя дорогая, моя любимая, Сюзи» ... Все так, Том?

ТОМ. Ну, допустим, что так, Сюзи.

СЮЗАННА. Не допустим, а именно так оно и начиналось, и дальше: «Не знаю, чувствуется ли это через строки письма, но я пишу его в сильнейшем волнении», - все так, Том?

ТОМ. Пока что все слово в слово. Если будет что-то не так, я скажу, договорились?

СЮЗАННА. Договорились, Том. «И, хотя мы с тобой уже не виделись почти что два года, и даже не переписывались, вернее, я-то тебе писал, но ты мне так не разу и не ответила, и вот, сейчас я снова пишу тебе о том, что все это время я очень часто вспоминал о тебе», - все так, Том?

ТОМ. Я тебе скажу, Сюзи, мы же договорились.

СЮЗАННА. Ну, знаешь, мы с тобой много раз уже о чем только не договаривались, и почти всегда, для тебя эти договоры ничего не значили.

ДЖЕРРИ. Читай письмо, Сюзанна, не отвлекайся.

СЮЗАННА. Желаю, чтобы все твои желания сдохли, Джерри.

ДЖЕРРИ. Не отвлекайся, Сюзи.

СЮЗАННА. И это всегда были только самые приятные воспоминания. Чаще всего я вспоминаю наш последний секс. Это была чистая магия! Особенно, когда ты скакала на мне сверху показывая искусство наездницы, я был в космосе! С Джерри у меня никогда не могло быть ничего подобного, так что теперь, когда мы с ней занимаемся нашим скудным примитивным сексом....

ДЖЕРРИ. Скудным, примитивным сексом, Том?!

ТОМ. Этого в письме не было. Она все это специально выдумывает, чтобы тебя позлить!

ДЖЕРРИ. Но секс со скачущей на тебе наездницей, был?

ТОМ. Секс был. Наездница была. Но в письме я об этом не писал.

СЮЗАННА. Писал.

ТОМ. Ты же сама знаешь, что нет.

ДЖЕРРИ. Но, по крайней мере ты мог так написать. Это в твоём духе.

ТОМ. Повторяю, я этого не писал! Она врет!

СЮЗАННА. Я пишу тебе об этом именно для того, чтобы ты знала какую важную роль ты играешь в моей духовной жизни. Нет, сомнений у нас древняя

кармическая связь, которая тянется еще из прошлых жизней. Так что я уверен, что ты меня понимаешь и чувствуешь, как никто другой. И именно поэтому мне сейчас так легко написать тебе об этом. О том, что вот уже два года практически каждый вечер, я совершаю долгую молитву, в которой я молюсь о том, чтобы ты умерла от какой-нибудь болезни, или покончила с собой или тебя бы, наконец-то, придушил бы твой чокнутый муженек во время утреннего сексуального изнасилования...

ДАНИЕЛЬ. Эй, братишка. Если ты и правда, такое написал, то я ведь могу сейчас все зубы тебе выбить, за такие слова обо мне.

ТОМ. Ты уже на такое не способен, ты же умер,

ДАНИЕЛЬ. Я-то умер, а вот зато ты жив, и зубы у тебя все еще во рту, поэтому я могу тебе так вмазать, что все эти зубы повылетают как перепуганные синички из твоего рта.

ДЖЕРРИ. Заткнись, Даниель! Если уж ты решил свалить из нашей жизни, то стой там и помалкивай. Продолжай, Сюзи.

СЮЗАННА. Потому что в тебе уже не осталось ничего, что имеет право жить.

После того, как ты убила нашего Джорджа, обварив его кипятком, а я взял, это на себя...

ТОМ. Ого! Как ты сразу же далеко зашла, Сюзи.

СЮЗАННА. Я что-то не так сказала?

ТОМ. Я не знаю, милая, тебе видней.

СЮЗАННА. Ну, так я ведь, еще не зашла, Том, я только переступила порог. А вот сейчас, я, пожалуй, зайду. И вот после того, как я взял смерть убитого тобой моего сына на себя, после того, что я вытерпел от Джерри, которая до сих не знает правды о том, как это случилось и, между нами, в нашей кровати навсегда теперь лежит воображаемое тело нашего Джорджа, которого, как думает наша Джерри убил я. И вот после всего, этого, ты за все эти два года не ответила ни один мой звонок, ни на одно мое письмо, ни поздравила меня ни с днем рождения, ни с Рождеством, ни даже с годовщиной смерти Джорджа. Хотя я все эти два года, как идиот пишу тебе примерно по одному письму в месяц. Но видимо, ты действительно приняла решение вычеркнуть меня из своей жизни. Но за что? За что, Сюзи?! Ведь ты знаешь, как я люблю тебя. Из-за тебя на меня свалилось столько страданий, и вот теперь, ты не отвечаешь на мои письма и не хочешь со мной общаться, за что? За что?! Я никак не могу этого понять и сильно страдаю от этого. И поэтому, чтобы все окончательно окончательно выяснить, я решил приехать к тебе и посмотреть тебе прямо в глаза и по твоему взгляду понять, что происходит между мной и тобой. И да! Мы нагрянем вместе с Джерри, я так все обставил, что она уверена, будто то ее идея. Поэтому мы скоро внезапно свалимся вам на голову. А конкретно 24-го февраля, после обеда будем уже у вас. Только это секрет, Сюзи. Мы с Джерри, решили сделать вам сюрприз и приехать без предупреждения, так не говори об этом ни Бернарду, ни Даниелю, никому. Никому, никому, никому. До встречи, любовь моя, ни смотря ни на что. Твой, голубь, Том.

БЕРНАРД. Помню, как в детстве, мамочка моя покойница, однажды, усадив меня на колени, и прижав меня к себе, и обняв меня собой, и окатив меня волной самой неповторимой собой, никем и никогда уже не повторимой собой,

прошептала тихонько мне, вот эти слова, - не бойся огня сынок, знай, что свойство огня – любить.

Пауза.

ДЖЕРРИ. Зачем, ты написал, такое дурацкое письмо, Том? Зачем ты предупредил ее, ведь мы же договорились, нагрять внезапно?!

ТОМ. Только первые несколько предложений правдивые, все остальное она выдумала прямо сейчас или заранее выучила на память, уж я не знаю. Принеси, письмо, Сюзи и покажи им, что там действительно написано.

СЮЗАННА. Да нет уже давно никакого письма, я сожгла его. Но я все выучила на память. И, поверь, Джерри, что я повторила слово в слово, все что там было написано. Там было написано именно то, что вы только услышали. Слово в слово.

ТОМ. Да, ты же нагло врешь, Сюзи. Там было только несколько правдивых предложений, а все остальное ты просто добавила от себя. Поэтому то ты и сожгла письмо, чтобы нельзя было выявить твою ложь.

ДЖЕРРИ. Зачем ты предупредил ее, Том?!

ТОМ. Говорю, тебе это не правда, Джерри.

СЮЗАННА. Все слово в слово как было в этом письме, Джерри.

ДЖЕРРИ. Я хочу понять, почему ты это сделал?!

ТОМ. Боюсь, что тебе этого не понять, дорогая. Тем, более, что Сюзи, больше половины придумала.

ДЖЕРРИ. А ты сам то, понимаешь, зачем, ты это сделал?

ТОМ. Боюсь, что не до конца. И еще раз повторяю, что Сюзи больше половины...

ДЖЕРРИ. Ты вообще понимаешь, что ты сделал?! Мы с тобой договорились нагрять внезапно, а ты предупреждаешь Сюзи о нашем приезде, зачем?!

ТОМ. Честно говоря, я и сам толком не знаю – зачем?

СЮЗАННА. И вас что, интересует только то, почему он меня предупредил о вашем сраном розыгрыше, и только это?!

ДЖЕРРИ. Сейчас только это, Сюзи, прости. Сейчас мне просто очень важно понять, зачем ты это сделал, Том?

ТОМ. Но я же говорю, что я не знаю! Я не знаю! Я просто написал это и письмо и отправил, и я не знаю почему!

ДЖЕРРИ. Но мы же с тобой договорились сделать сюрприз?!

ТОМ. Но ведь мы же его и сделали в конце то концов! Ну, разве то, что мы тут все вместе собрались, это недостаточно большой сюрприз?!

ДАНИЕЛЬ. А то, что я покончил с собой это что не сюрприз?! Или вы только о себе думаете?!

ДЖЕРРИ. Помолчи, Даниель, тебя нет! Зачем ты это сделал, Том?!

ДАНИЕЛЬ. А зачем я это сделал, вам не интересно?!

ДЖЕРРИ. Нет. Ну, Том?!

ДАНИЕЛЬ. Поразительно! Уже несколько часов как я покойник и никто даже не поинтересовался из-за чего я это сделал! Поразительно!

ТОМ. Тебе же на все теперь наплевать, так чего ты так завелся?!

ДЖЕРРИ (*кричит*). Отвечай на мой вопрос, Том!

ДАНИЕЛЬ (*кричит*). Никто из вас даже не заговорил на эту тему! Из-за чего же это наш бедный Даниель, вскрыл себе вены, кто как думает?! Никто! И все только о себе! Только о себе!

БЕРНАРД. Да пасет Господь овец своих в тех местах, где растет трава Его Божественной Жестокости для того, чтобы грехи наши стали нашими слезами. Слезами слез.

Пауза.

СЮЗАННА. Ну, хорошо. Ну, и почему ты это сделал, Даниель?

ДАНИЕЛЬ. Вот только не нужно мне делать одолжение, Сюзи.

СЮЗАННА. Это не одолжение. Мне, правда, было очень больно узнать о твоей смерти, дорогой мой.

ДАНИЕЛЬ. А если я это и-за невозможности настоящей любви, тогда что?!

СЮЗАННА. Не выдумывай, дорогуша, ты и сам прекрасно знаешь, что любовь тут не причем. Ты сделал это из-за того, что боишься быть осужденным на 10 лет тюрьмы за секс с несовершеннолетней.

ДАНИЕЛЬ. Когда я прикоснулся к ней, ей было уже 18!

СЮЗАННА. Мы это знаем только с твоих слов, дорогой мой.

ДАНИЕЛЬ. Да ничего вы не знаете, ни с чьих слов. Ни о чем!

БЕРНАРД. Мама моя, покойница, не раз любила повторять мне, - помни сынок, что на каждую вещь нужен свой способ – чтобы ее открыть. Для одной вещи один способ, а для другой, иной. Для каждой вещи свой.

ДАНИЕЛЬ. Эту девушку, с которой я переспал, зовут Астри. Она яркая и пылающая звезда! Я сделал это из-за ее огня, огня Астры. Она свежая и упругая. Нежная и неопытная, а поэтому открытая и живая. Она сама жизнь. Имя Астри – означает Звезда! Она смотрит на меня и горячие волны обжигают мое сердце. Она обращается ко мне и оживаю. Она прикасается ко мне, и я живу. Астри! Ее имя Астри. Звезда! Она такая новая!» Такая современная! Такая живая! Когда я коснулся ее тела, мир перевернулся и меня больше не затрагивало ничего из всего того, что у вас есть. Мир перестал быть таким каким он был и все вокруг было охвачено огнем. И я сгорел. Таким был мой восторг. И сами понимаете, какой смысл дальше после всего этого, да и вообще всего, жить? Никакого. Ну и я свалил.

СЮЗАННА. А может ты свалил из-за того, что тебе грозило десять лет тюрьмы и позор на всю жизнь, а дорогой мой?! Лично я вот думаю, что все именно так как и я говорю.

ДАНИЕЛЬ. Мне все равно, что ты говоришь и что ты думаешь, меня нет.

СЮЗАННА. А значит, теперь тебе снова стало все равно? Высказался, вывалил все свое внутреннее дерьмо на нас, и теперь тебе снова все равно?!

ДАНИЕЛЬ. В самую точку, дорогуша! И теперь мне снова – все равно.

ДЖЕРРИ. А что это наш Том, вдруг, замолчал?

ТОМ. Ладно, Джерри, если ты так этого хочешь, то я скажу. Кажется, уже и правда, пора. Мы сюда приехали, чтобы сообщить вам Сюзи и Даниель, ну и, разумеется, дяде Бернард, что мы приняли непростое решение - продать этот дом. Мы разрешили вам жить в нашем доме бесплатно почти два года, но обстоятельства складываются таким образом, ну, как чаще всего и бывает в

таких ситуациях, мы просто вынуждены это сделать – продать этот дом. Так что вам придется подыскать себе какое-то новое жилище! Ну, с этим то, сегодня проблем нет, столько домов сдают в аренду, и несмотря на человеко-убийственную войну в Европе – у нас в США рынок жилья просто кипит. Вот, собственно, почему мы приехали, но не только поэтому, конечно, но еще и потому что нам захотелось еще раз оживить наши воспоминания, об ушедшем времени, о нашем прошлом. Эти шесть лет, что мы прожили вместе – были для нас настоящей эпохой. Мы как будто бы прожили вместе целую эпоху, которая, кажется, закончилась. Ну, и главное! Разумеется, мы чертовски по вам соскучились. Соскучились по колкой манере общения, Сюзи, по раздражительности Даниеля и по нашему добряку дяде Бернарду. Вот почему мы приехали. И, надеюсь, теперь, Джерри не будешь упрекать меня в том, что я молчу?

ДЖЕРРИ (*кричит*). А зачем ты это сделал, Том? Какого черта, ты предупредил эту чернокожую убийцу нашего сына о нашем приезде?

ТОМ. Я же тебе говорю, что я не знаю! И отстань уже раз и навсегда от меня со своими вопросами. Что ты меня все время обо всем спрашиваешь, как будто я, какой-то там чертовый Гугл.

БЕРНАРД. Помню, я как в детстве родители мои русские расисты, царствие им небесное в аду, привязывали меня крепко к стулу, завязывали мне глаза какой-нибудь тряпкой, а потом обмазывали меня всего с ног головы толченной вишней. Так что я был весь из себя вишневый маленький человек. Вот такой, вот сюрприз.

ДАНИЕЛЬ. Подождите-ка, подождите-ка, до меня только вот сейчас начало доходить! Вы что решили продать этот дом, а нас троих выставить на улицу?!

ТОМ. Не троих, а двоих – Бернарда и Сюзи, ты то ведь уже и сам себя выставил, и не только из дома, но и вообще из всего этого мира. Но суть, именно такова, - мы вынуждены продать этот дом, таковы обстоятельства. Ситуация безвыходная. Обстоятельства непреодолимой силы. Нет никакого выхода и никакого другого варианта. Жизнь складывается так, что мы вынуждены принять такое решение. Это совсем не связано с нашей личной историей, но такова жизнь. Никакого другого выхода из ситуации мы не видим. Увы, нам ничего другого не остается. Так, что этот вопрос решен. Ничего не поделаешь у людей, живущих в эту закончившуюся только что эпоху, всегда одна и та же главная проблема – их дом. То его продают, то уже продали, то его делят. Проблема с домом – это главная тема всей прошедшей эпохи, всех народов, всех рас и всех религий. Ну и мы все присутствующие тут тоже, естественно не исключение. И нас всех тут объединяет одна и та же проблема – наш дом. И тут, уж действительно без божественного вмешательства не обойтись, но поскольку такого вмешательства не предвидится, 150 лет ждали да так и не дождались, поэтому это хорошо, что мы тут собрались и прямо сейчас решили поднять этот вопрос.

БЕРНАРД. В древности, принято было считать, что мазь, сделанная из косточек вишни, если втереть ее как следует в часть тела человека, например, в руку или в пупок, то так глубоко она проникает внутрь тканей, заполняя собой все пустые в человеке места, что остается уже в этом теле, навсегда. Поэтому и называю я себя – Вишневый человек.

ДЖЕРРИ. А может это вовсе не Сюзи вылила кипяток на голову нашего Джорджа, а все-таки ты, Том? А Сюзи несет всю эту чушь, потому что находится в страшной депрессии из-за смерти ее идиотского мужа?! Это ведь, ты вылил кипяток, Том?

ТОМ. Нет, кипяток вылила Сюзи, а я взял всю вину на себя, но просто в моем письме я об этом не писал, это все была импровизация нашей Сюзи. Не знаю, зачем ей это понадобилось именно сейчас. Уж не знаю, Сюзи, зачем это тебе понадобилось вспоминать об именно сейчас?

СЮЗАННА. Ну, значит, понадобилось. И оставим эту тему. Желаю, чтобы все твои размышления на эту тему, как можно скорее сдохли!

ДЖЕРРИ. Жаль, конечно, что ты испортил сюрприз, Том. И жаль, конечно, что кипяток на голову Джорджа вылила Сюзи, а не ты, потому что у меня все эти два года было, хотя бы, хоть какое-то оправдание почему я тебя так сильно ненавижу, а теперь, я ненавижу тебя, просто так, без всякой причины, просто потому что ты чокнутый мудака, Том. Но я все равно не могу понять, почему ты предупредил Сюзи о нашем приезде? Не могу понять!

ТОМ. А может это и есть тот самый сюрприз?! Сюрприз!

ДЖЕРРИ. Нет, Том! Наш сюрприз ты, непонятно зачем, тупо просрал!

ТОМ. А может это и есть тот самый сюрприз? Может сюрприз в том и заключается, чтобы просрать свой сюрприз?!

ДЖЕРРИ. Ты, идиот, Том!

СЮЗАННА. Я что-то не поняла, вы зачем сюда приперлись, чтобы выгнать нас из дома или чтобы выяснять свои тупые отношения?!

ТОМ. А может это и есть наш сюрприз, Сюзи?

СЮЗАННА. А может вы оба сдохните прямо сейчас, вот тогда это будет сюрприз! Причем, наконец-то, приятный!

ТОМ. Сюрприз, уже происходит! И он происходит прямо сейчас на наших глазах, жаль, что вы этого не видите?! Это же такой фантастический сюрприз!

ДЖЕРРИ. Просрал ты наш сюрприз, Том. Ты все просрал, дорогой, всю свою жизнь.

ТОМ. А может это и есть тот самый сюрприз?! Может он происходит с нами прямо сейчас?!

ДАНИЕЛЬ. Белые вонючие свиньи, всегда думают только о своем личном белом свином сюрпризе.

СЮЗАННА. Да и черт с ними, с проклятыми тупыми расистами! Плевать я хотела, на этих сумасшедших и на то, о чем они думают, ну, а нам то, что теперь делать? Получается, нам теперь нужно собирать свои вещички и сваливать отсюда?

ДАНИЕЛЬ. Мне нет, дорогуша. Мне не нужно собираться вещички, потому что я и так уже свалил. А вот тебе, дорогуша и вот этому выжившему из ума старику придется хорошенько подумать, где вы, в скором времени, будете ночевать?

БЕРНАРД. В прошлые времена вишню сушили, разглаживали и внушали ей свою память, чтобы могла она могла хранить память о нас оторвавшихся от корней этого вишневого сада навсегда.

Том внезапно кричит как сумасшедший.

ТОМ. Сюрприиииз, ! Сюрприиииииз!

ДЖЕРРИ. Чокнутый идиот!

ТОМ (*продолжает кричать в исступлении*). Сюрприиииз! Сюрприиииииз!

ДЖЕРРИ. Псих!

ТОМ (*продолжает кричать*). Сюрприиииз! Сюрприиииииз!

ДЖЕРРИ. Совсем свихнулся, придурок!

ТОМ. Любовь любит любить, дорогая моя!

СЮЗАННА (*выходит из себя*). Ублюдок! Мерзкая свинья! Садист!

ТОМ (*кричит в эйфории*). Сюрприиииз! Сюрприиииииз!

СЮЗАННА. Желаю тебе, чтобы твой поганое сердце поскорее сдохло!

ТОМ (*кричит в эйфории*). Сюрприиииз! Сюрприиииииз!

СЮЗАННА. Желаю тебе, чтобы твой поганый мозг сдох!

ТОМ (*кричит в эйфории*). Сюрприиииз! Сюрприиииииз!

Том успокаивается.

Пауза.

СЮЗАННА. Том и Джерри, я вычеркиваю вас из своей жизни. Идите на хер.

ДЖЕРРИ. Я все поняла, спасибо.

СЮЗАННА. Вычеркиваю!

ДЖЕРРИ. Я поняла.

ТОМ. И меня вычеркиваешь?

СЮЗАННА. И тебя, Том. Лучше от тебя держаться подальше – Человек Сюрприз.

ТОМ. И это после всего, что я для тебя сделал?!

СЮЗАННА. Да, Том, после всего.

ТОМ. В благодарность за все, ты вычеркиваешь меня из своей жизни.

СЮЗАННА. Я тебя отменяю и забаниваю, иди на хер, Том.

Пауза.

БЕРНАРД. Помню еще в глубокой древности, матушка моя, тронувшись умом, говорила нам детям, - знайте, дети, что в будущем ждут всех вас страшные времена. Люди станут совсем как дикие звери и начнут тогда они друг друга отменять, забанивать и бомбить. И вот, вижу, я наступили те времена, о которых говорила нам наша покойница мать. И вот видим мы теперь, как все всех отменяют, забанивают и бомбят. Он ее отменяет и забанивает, она бомбит и забанивает третьего, а тот уже отменяет, забанивает и бомбит всех остальных. Да и все остальные, точно также поступают со всеми остальными. Все, забанивают, отменяют и бомбят всех. И вот уже совсем недолго осталось до того последнего момента, когда всё на свете будет разбомблено, забанено и отменено.

ДЖЕРРИ. За твое бесконечное неуважение ко мне и за бесконечную ложь, я тоже тебя отменяю, Том. И забаниваю!

ТОМ. А я тогда, отменяю и забаниваю Сюзи, и никаких больше писем от меня.

Никаких писем. Отменяю и забаниваю, Сюзи!

СЮЗАННА. Забаниваю, Тома! И тебя, Джерри, я тоже забаниваю и отменяю, так что ты тоже иди на хер.

ДЖЕРРИ. Сама ты иди на хер, я тебя отменяю. Забаниваю. Иди на хер.

ТОМ. И я тоже тебя забаниваю, Джерри! Хватит нам уже делать вид, будто бы по-настоящему общаемся. Забаниваю и отменяю, Джерри!

СЮЗАННА. Забаниваю, Тома!

ДЖЕРРИ. Отменяю, Сюзанну!

СЮЗАННА. Забаниваю и отменяю!

ДАНИЕЛЬ. Ох, чувствую я, - раз все тут всех забанили и отменили, то скоро начнут и бомбить.

БЕРНАРД. В старину всегда считалась верной приметой, если тебя отменяют, то жди - скоро начнут и бомбить. Может быть, вы хотите, чтобы я ужин уже стал подавать? Поздний ужин, никогда не помешает тем, кто хоть раз в жизни пережил страшный голод. Извольте, подать вам ужин, святые люди?

Пауза.

ТОМ. И хотя мне сейчас кусок в горло не пролезет, но я бы, почему то, как это не странно, не отказался бы от ужина.

ДЖЕРРИ. И хотя настроение у меня хуже некуда, и при одном только упоминании о еде, меня начинает тошнить, но голод почему-то все равно ощущается.

Поэтому, если, ты дядя Бернард, собираешься приготовить ужин, то я не против.

СЮЗАННА. От одной мысли, что мне придется есть ужин с этими расистами, меня выворачивает наизнанку, но мое тело живет своей жизнью, и оно требует пищи. Поэтому будь так добр, Бернард, накорми нас чем-нибудь превосходным, потому у меня голова идет кругом от всех этих разговоров.

БЕРНАРД. Будет, сейчас вам обед подобный взрыву авиационной бомбы! Сегодня Строгий и придирчивый к мелочам Господь Бог Внук Сына Бога Отца накормит вас вкусным ужином на вечные века.

ТОМ. Только не пса, и не голубей, умоляю тебя, Бернард!

ДЖЕРРИ. Только не пса, только не пса!

БЕРНАРД. Господи Святые Иллюзии Святители Святых! Ну, где я вам сейчас посреди ночи раздобуду голубей, а уж тем более пса?! Да и кажется, уже не будет больше у нас этой охотничьей добычи, ведь охотник то наш покинул этот свет навсегда.

ДАНИЕЛЬ. Смерть — это навсегда, дядя Бернард.

БЕРНАРД. Ну тогда, я пошел.

Бернард выходит из гостиной в двери ведущие на кухню.

Пауза.

ГОЛОС (*читает стихотворение*).

Привет.

Одни двери ведут тебя в то, что ты и так уже знаешь,
но сомневаешься в этом.

Другие двери, привет, ведут тебя в то, в чем ты до конца
еще не уверен, но чувствуешь, что кажется, можно
проверить и этот вариант.

А третьи двери, не открываются, можно проверить и этот вариант,
Не открываются, ты делаешь выбор.
Не открываются – это твой выбор.
Привет.

ГОЛОС (*делает объявление*). До ближайшего технического перерыва осталось несколько минут.

В дверях появляется Бернард.

БЕРНАРД. А немного этого Малыша корейского пса еще осталось в духовке, может кому-нибудь все-таки разогреть?
СЮЗАННА, ДЖЕРРИ И ТОМ (*на перебой*). Никакого пса, никакого пса, Бернард! Ни коем случае, никакого пса! Не, не, не, Бернард! Никакого пса! Не, не, не!
БЕРНАРД. Понял, вас понял. Будут для вас тогда вишенка на торте.
Подождите-ка!

Бернард скрывается за дверями.

Пауза.

ГОЛОС. До ближайшего технического перерыва осталось 1,5 минуты.
ДЖЕРРИ. Отмена пространства и времени, вот что нам нужно! Вот, что нужно вообще всем. Отмена пространства и времени! Вот!
ДАНИЕЛЬ. Скоро уже, не волнуйтесь.
СЮЗАННА. Кастрюля, кипятик, отрубленная голова свиньи. Отмена пространства и времени! Отменяю и забаниваю время!
ГОЛОС. До ближайшего технического перерыва осталась 1 минута.
ДЖЕРРИ. Вот, что нам нужно!
ДАНИЕЛЬ. Скоро уже, скоро.
СЮЗАННА. Отменяю и забаниваю пространство и время!
ТОМ. Навсегда!
ДЖЕРРИ. Вот, что нам нужно!
СЮЗАННА. Отменить и забанить все!
ТОМ. Навсегда.
ДАНИЕЛЬ. Смерть – это навсегда.

Раздается звонок в дверь.

Все переглядываются в некотором удивлении.

Звонят еще раз.

Никто не решает пойти и открыть дверь.

Слышно, как открылась входная дверь, кто-то вошел и приближается к гостиной.

Двери в гостиную открываются и входит Астра.

АСТРА. Добрый вечер. Извините, что без приглашения. Я Астра.

Все в потрясении смотрят на Астру.

ГОЛОС. Технический перерыв. Конец 2-го акта. Уважаемые зрители, напоминаем, что вам нужно оставаться на своих местах. Этот перерыв продлится чуть дольше чем предыдущий для того, чтобы подготовиться к следующей сцене постановочной части понадобится около десяти минут. Но чтобы вы не скучали вашему вниманию будет предложен комедийный скетч, разыгранный артистами нашего театра. И так, представляем анекдот про двух неудачливых американских пожарных.

Конец второго акта. Занавес.

КОМЕДИЙНЫЙ СКЕТЧ В ПЕРЕРЫВЕ МЕЖДУ II И III АКТОМ.

Перед закрытым занавесом на авансцене появляются двое американских пожарных мужчина и женщина. Они в огнезащитных костюмах, покрытых слоем черной сажи. Стекла их шлемов подняты вверх, и мы видим, что их лица перепачканы копотью.

ПОЖАРНЫЙ. Послушай, Джессика тебе не кажется, что этот пожар снова какой-то странный?

ПОЖАРНАЯ. Конечно, кажется. Ведь тут не было никакого огня.

ПОЖАРНЫЙ. А зачем же мы тогда залили весь этот дом водой, ведь теперь он может прогнить от сырости?

ПОЖАРНАЯ. Ну, знаешь, то, что не сгорит, то, обязательно сгниет. А вот, почему наша карьера пожарных, так до сих и не сложилась, вот что странно?! Ведь поливаем то, мы не хуже, а пожалуй, что даже и получше многих других.

ПОЖАРНЫЙ. А это потому, дорогая моя, что мы с тобой все время пытаемся потушить пожар до того, как что-то загорится, дорогая.

ПОЖАРНАЯ. Похоже все так как ты и говоришь, долбаный осел. Но ведь это ты в этом виноват, тупой баран! Ты в этом виноват, - вонючая блевотина пьяного козла!

ПОЖАРНЫЙ. Напрасно, ты меня обижаешь, дорогая моя жена! Ну разве это я виноват, что за все то время как мы работаем пожарными нам еще, так и не удалось встретиться с огнем?!

ПОЖАРНАЯ. Но ведь это, а кто-то другой, обещал мне огонь, когда просил моей руки. «Наша жизнь будет пылать таким огнем, что нам придется стать пожарными, чтобы его тушить», - чьи это слова?! И вот пожарными то мы стали, но вот тушить нам пока что нечего. Обещанного тобою огня как не было, так и нет.

ПОЖАРНЫЙ. Но ведь мы все еще в пути, Джессика. Мы все еще на пути к огню, дорогая. Потерпи еще немного и скоро ты увидишь, как весь этот мир будет объят огнем. Так что и тушить будет бесполезно!

ПОЖАРНАЯ. Тупая обосранная задница безнадёжного осла! Мерзкий, вонючий кал хитрожопого барана! Тупорылый дебил!

ПОЖАРНЫЙ. Ну, а сейчас то, за что ты меня поносишь у всех на глазах, что еще я не так сделал в потоке этой напрасно пролитой воды?

ПОЖАРНАЯ. Ты все сделал нет так, долбанный придурок! Ты все самые тупые качества унаследовал от своей безмозглой родни. Вся ваша семейка сборище дебилов! И брат твой Бернард, чокнутый на все голову, и ты вонючий омерзительный козел! Вся ваша семейка – клубок запутавшихся друг в друге дождевых червей.

ПОЖАРНЫЙ. Зато наш сын – светлая голова! Прочитал огромное количество всяких бессмысленных книг. Образованный, бесполезный и культурный человек.

ПОЖАРНЫЙ. И сын наш, тоже законченный дебил в отца пошел. И вся наша проклятая семейка – это недоношенные свиньи.

ПОЖАРНЫЙ. Ух! Чувствую я как в тебе разгорается пожар. Чувствую приближение огня!

ПОЖАРНАЯ. Все пожарные дети огня, пора бы тебе об этом узнать, тупой осел!

ПОЖАРНЫЕ. Так я об этом знаю, дорогая. Все пожарные – дети огня. Не такой уж я и тупой.

ПОЖАРНАЯ. Все мы дети огня, дебил. Все мы одновременно являемся и пожарными, и огнем, тупой, необразованный придурок!

ПОЖАРНЫЙ. Так я об этом тоже знаю, дорогая моя, - все мы дети огня. Все мы одновременно являемся и пожарными, и огнем. Не такой уж я и тупой.

ПОЖАРНАЯ. Безмозглый, обгаженный козлиным говном, дебил! Тупая баранья рожа без мозгов! Протухший, необразованный кусок вонючей, недоразвитой свиньи!

ПОЖАРНЫЙ. Ну, а теперь за что ты меня ругаешь при таком количестве народа? За что?!

ПОЖАРНАЯ. А за то, что ты тупая козлина, за всю нашу совместную жизнь ни одной спички не поджег, ни одной свечки не зажег, ни одной сигареты не подкурил, ни разу извлек из себя никакого пламени, чтобы зажечь того, кто рядом с тобой, необразованный, тупой баран!

ПОЖАРНЫЙ. Я пожарный и я часть огня. Я пожарный и я огонь!

ПОЖАРНАЯ. Ты тупой, необразованный, с подмоченной репутацией пожарный неудачник, не имеющий доступа к огню.

ПОЖАРНЫЙ. Все мы из огня вышли и сгорим в огне.

ПОЖАРНАЯ. А вот с этим не поспоришь, даже с таким хитрожопым дебилом как ты. Гребаный факт есть гребаный факт. Все мы из огня вышли и все сгорим в огне.

ПОЖАРНЫЙ. Пожар — это то, что всех нас ждет впереди!

ПОЖАРНАЯ. Но все сгорят в священном огне, а большинство просто сгниет, долбанный ты барсук! Обосранный козел! И если ты тупой, безмозглый дебил, муженек мой Билл, не понимаешь, такой простой вещи, что Вселенная — это бесконечный пожар в твоей тупой голове, то тебе тогда лучше вообще больше не заниматься такой опасной профессией - как тушить пожар.

ПОЖАРНЫЙ. Вселенная — это пожар в моем мозгу, факт есть факт. Конечно, я об этом знаю, Джессика, не такой уж я и тупой.

ПОЖАРНЫЙ. Твой мозг и есть самый настоящий пожар, от которого в конце концов и сгорит этот мир. Твой горящий мозг, и мозги таких же тупых как ты, скоро окончательно и сожгут этот мир, придурок!

ПОЖАРНЫЙ. Мозг это пылающая огнем Вселенная внутри моей головы! Не такой уж я и придурок, дорогуша!

ПОЖАРНАЯ. Мозг таких недоразвитых идиотов как ты и сожжет этот мир!
ПОЖАРНЫЙ. Этот огонь уже не потушить, я это знаю, Джессика! Не такой уж я и идиот!
ПОЖАРНАЯ. Этот пожар и сделает нас теми, кем мы на самом деле являемся – огнем, долбаный недоумок!
ПОЖАРНЫЙ. Этот пожар сделает нас огнем! Не такой уж я и недоумок, любимая!
ПОЖАРНАЯ. Ого! Я вижу, что ты весь горишь, Билл!
ПОЖАРНЫЙ. Я сгораю в пламени, Джессика!
ПОЖАРНАЯ. Вот, теперь я вижу, что ты просто Огонь, Билл! Ну, наконец-то!
ПОЖАРНЫЙ. Я весь горю, Джессика! Я огонь!
ПОЖАРНАЯ. Вот, теперь, я вижу, что ты огонь, Билл!
ПОЖАРНЫЙ. Я огонь, Джессика!
ПОЖАРНАЯ. Теперь ты самый настоящий огонь, Билл! Вот и дождались мы огня!
ПОЖАРНЫЙ. Мы оба охвачены огнем!
ПОЖАРНАЯ. Все, кто сгорит, не сгниет, Билл!
ПОЖАРНЫЙ. Огонь, Джессика!
ПОЖАРНАЯ. Огонь, Билл!
ПОЖАРНЫЙ. Значит, теперь мы не сгнием, дорогая моя?!
ПОЖАРНАЯ. Нет, Билл, теперь мы уже не сгнием, теперь мы, как и все порядочные и добрые люди на этой земле – сгорим дотла.

ГОЛОС. Технический перерыв закончился. Предлагаем вашему вниманию третий акт пьесы.

Пауза.

Актеры исполняющие роли пожарных – кланяются публике.

ПОЖАРНЫЙ. Мы очень надеемся, что наш комедийный скетч, вам понравился и вы от души посмеялись.
ПОЖАРНАЯ. Технический перерыв подошел к концу. Мы уходим со сцены, уступая место основному действию.
ПОЖАРНЫЙ. Не делая спойлер, я все же намекаю, что в третьем акте вас ждет еще парочка сюрпризов. Хорошего вам просмотра третьего акта.
ПОЖАРНАЯ. Тому, кто идет по пути, мы желаем побольше непредвиденных обстоятельств, тому кто застрял в липком сиропе бытия, желаем поскорее встретить хорошего драгдилера, а тем, кто разделяет людей на народы, расы и национальности, желаем вначале хорошенько разобраться с тем, какова у вашей тупой бессмысленной жизни цель. Хорошего просмотра третьего акта.
ПОЖАРНЫЙ. До встречи на поклонах в конце спектакля!

III АКТ

Занавес поднимается. На сцене все та же гостиная, только она сгорела в пожаре. Стены, пол, мебель все черное, опаленное огнем. В доме Тома и

Джерри был пожар и все превратилось в сгоревший остов. Однако, обгоревшей мебели: на диване, креслах и стульях можно сидеть.

В гостиной Джерри, Том, Сюзанна и Даниель. Они находятся на тех же самых местах, где были в конце второго акта. Они в тех костюмах. Повторяется финал второго акта. Актеры играют так, как будто бы пожара еще не было. Для героев дом еще не сгорел, он сгорел только для зрителей.

Раздается звонок в дверь.

Все переглядываются в некотором удивлении.

Звонят еще раз.

Никто не решает пойти и открыть дверь.

Слышно, как открылась входная дверь, кто-то вошел и приближается к гостиной.

Двери в гостиную открываются и входит Астра.

АСТРА. Добрый вечер. Извините, что без приглашения. Я Астра.

Все в потрясении смотрят на Астру.

ГОЛОС. Третий акт.

АСТРА. Вы, наверное, знаете кто я. Ну, вон тот тип, Даниель, привет, Даниель, он вот точно знает. Я та самая девушка, с которой переспал, этот тип, Даниель, как дела, Даниель?! Ничего?! И у меня тоже вроде ничего. Я вот почему решила вас сегодня, без всякого предупреждения навестить. Потому что, мне кажется, что вам всем было бы неплохо знать, как все это вот так вот получилось, ну, Даниель, знает о чем я. Как было в тюрьме, Даниель?

ДАНИЕЛЬ. Ты пришла слишком поздно, Астра. Меня больше нет.

АСТРА. Да, я уже прочитала об этом в последнем письме, которое мне принес последний придурочный почтальон. Ну и там, было написано, что ты, типа, покончил с собой. Гвоздями что ли, какими-то себя исковырял, короче полный отстой. Но я пришла не к тебе дядюшка Мертвец. Я пришла вот к ним. Всем, привет. Я вижу у вас, тут гости, так что, еще прошу прощения, за то, что явилась без приглашения. Сори, сори, сори. И чтобы не мешать вам продолжать вашу отстойную вечеринку, я сейчас быстренько все скажу и смоюсь отсюда. Хорошо? Ну, по вашим лицам, я вижу, что ничего хорошего, но мне ведь тоже не сладко, так что потерпите немного. Мне это важно. Мне это важно рассказать вам, почему это такая молодая и красивая, чего уж там, девушка как я, решила, вдруг, пойти в гостиничный номер с таким типом, как этот Даниель. Вы, вообще, задумывались над этим? Ну хоть кто-нибудь задумывался? Ну, может, кто-то из вас и задумывался, но точно, не вот этот напыщенный пингвин (*указывает на Тома*). Вот об этом я и хочу рассказать. Почему я это сделала? Потому что..., а ну нет. Начнем с того, что, во-первых, я не была девственницей, это был мой третий раз. Ну в смысле с Даниелем, третий. До этого еще два было с моим парнем Диланом из High School. Ну, и короче, я пришла с ним в этот номер, потому что он пообещал мне 1000 баксов, если я с ним пересплю. Я, конечно, ему не поверила и попросила снять эти деньги наличными в банкомате, и...! И он это сделал! Мы

пошли в отель, там в фойе был банкомат он снял эти деньги, помахал ими перед моим лицом и спрятал в карман своей куртки. Мы пошли в номер. Позанимались отстойным сексом, потом я оделась, он отдал мне деньги, и я ушла. А потом на следующий день я пошла в госпиталь сдала анализы, чтобы доказать, что у меня был секс, так что, все это подтверждено медицинской экспертизой, дядюшка извращенец, Даниель. Так что потом уже у меня были все основания позвонить в полицию и рассказать про секс с несовершеннолетней, со мной. Ну и потом его арестовали. Ну, вот, так.

Пауза.

АСТРА. Ах, ну-да! Зачем я это сделала? Почему, почему, почему?! Почему я это сделала? Потому, что когда мы занимались с этим мудаком каким-то супер отстойным сексом, он вдруг, стал, как какой-то маньяк шептать мне в ухо одну и ту же цитату из библии, это я уже потом, когда пришла домой, узнала, что она из библии. А он просто шептал и шептал эту фразу минут пятнадцать если не больше, так что мне уже совсем расхотелось заниматься сексом, у меня все там стало сухим, и мне становилось уже больно он его члена, которым он как сумасшедший водил туда и сюда, - Господь Бог взял ребро, вынутое у человека, создал из него женщину и привел её к человеку. Господь Бог взял ребро, вынутое у человека, создал из него женщину и привел её к человеку. Господь Бог взял ребро, вынутое у человека, создал из него женщину и привел её к человеку, - повторял и повторял он. Этот человек. Мне. Женщине. И кстати, когда он дотронулся до меня было уже половина первого, мне тогда уже исполнилось восемнадцать.

Пауза.

АСТРА. Ебанный козел!

Пауза.

АСТРА. Ну, ладно. Приятного всем вам вечера, я пошла.

Астра идет к дверям ведущим в прихожую. Останавливается.

АСТРА. А, да! Зачем я приходила?! Я хочу, чтобы вы знали, что этот мудака был не просто извращенцем, но и самым настоящим сексистом!

Пауза.

ДЖЕРРИ. Какое у тебя красивое имя - Астра. Подожди, не уходи так быстро. Побудь немного с нами. Сейчас мы будем ужинать. Оставайся.

СЮЗАННА. Оставайся, Астра. У тебя такой красивое имя. Поужинай вместе с нами.

ТОМ. Да, останься с нами, Астра. Сейчас будет вкусный ужин, наш дядя Бернارد даже обещал нам вишенку на торте. Оставайся. У тебя такое красивое имя.

АСТРА. Ну, ладно. Хотя тут повсюду витает дух Даниеля и меня это, честно говоря, выводит из себя, ну, ладно, я все-таки, останусь тут ненадолго. Я голодная как собака. А где ваш ужин?

СЮЗАННА. Ужин, сейчас будет. *(кричит в сторону кухни)* Бернард! Бернард, ты скоро там с ужином?

ГОЛОС БЕРНАРДА ИЗ КУХНИ. Минуточку, одну минуточку. Никому не входить. Сейчас как раз делаю вишенку на торте. Подождите.

СЮЗАННА *(Астре)*. Одну минуточку, сейчас будет ужин.

АСТРА. Спокойно. А выпить тоже, что-нибудь можно?

ДЖЕРРИ. Но тебе ведь еще только восемнадцать дорогуша, а алкоголь по законам этого штата можно только с 21-го.

ТОМ. Да, ладно, перестань, Джерри. Не будь ханжой. Астре уже без пяти минут 21? Да, Астра?

АСТРА. Ага, можно считать, что уже половина первого, все ок.

Все, кроме Даниеля, интеллигентно смеются.

ДЖЕРРИ. Астра! Если я не ошибаюсь твое имя означает – Звезда?

АСТРА. Ну, типа, что-то вроде этого. А тебя как зовут, дорогуша?

ДЖЕРРИ. Я, Джерри.

Джерри и Астра ее пожимают друг другу руки. К ним подходит Том и протягивает руку Астре.

ТОМ. А я, Том.

ДЖЕРРИ. Это мой муж, Том.

АСТРА. Ого?! Том и Джерри! Гоняешь, наверное, ее по всему дому, а Том?

Том, Джерри и Астра интеллигентно смеются. К Астре подходит Сюзанна.

СЮЗАННА. Ну, а я та самая жена Даниеля Сюзанна. Но, я целиком на твоей стороне. Полностью на твоей стороне. Можно я обниму тебя?

АСТРА. Ладно, давай обнимашечки, почему бы и нет.

Астра и Сюзанна обнимаются.

Даниель стоит в стороне и с невозмутимым видом наблюдает за происходящим.

Сюзанна, отходит от Астры и становится за креслом, опираясь на спинку руками.

ТОМ. Приятно с тобой познакомиться, Астра. Хоть и при таких неприятных обстоятельствах.

АСТРА. Ты хочешь сказать, что если бы он меня не трахнул, то мы бы сейчас с тобой тут не разговаривали, да?

ТОМ. Нет, ну почему?.. Пути Господни неисповедимы.

ДЖЕРРИ. Я с тобой полностью согласна, Астра, - ведь если бы все этого не случилось, то мы тогда никогда не увидели тебя и твою красоту, и не поняли, бы тогда, из-за чего наш Даниель решил покончить с собой.

ДАНИЕЛЬ. Ну, наконец-то до них потихоньку стало доходить!

СЮЗАННА. Да, вот сейчас я вижу. Смотрю на Астру и вижу. Да, это возможно, при виде такой вот Астры, да, это возможно, сейчас я вижу.

ТОМ. Да, в каком-то смысле я тебя понимаю, дружище. Не знаю, даже как бы я сам поступил на твоём месте.

ДАНИЕЛЬ. Ты сейчас на моём месте, Том.

ТОМ. Вот я и говорю, что я даже не знаю, как бы я поступил на твоём месте.

АСТРА. Неужели, я вам всем так понравилась?

ДЖЕРРИ. Да, очень. Ты мне очень нравишься, Астра. Очень, очень, очень.

СЮЗАННА. И мне, очень, очень, очень. У тебя такое красивое имя. И ты сама такая красивая.

ТОМ. Ты нам всем очень нравишься, Астра. И я все больше и больше начинаю понимать Даниеля.

Пауза. Все пристально всматриваются в Астру. Даниель с почти невозмутимым видом стоит в стороне.

ДЖЕРРИ. И я тоже начинаю понимать Даниеля. Ну еще бы такие руки, такие ноги, такое все! Такое все новое.

СЮЗАННА. Да! Все такое новое. Такое молодое. Такое современное. Такое свежее. Ну, да, я начинаю тебя понимать, Даниель. Все такое современное.

ТОМ. У нее такое понимающее, такое неопытное, но такое чувственное лицо.

АСТРА. Да, правда?

ТОМ. Да! Такая невероятная чувственность.

ДЖЕРРИ. Это от отсутствия опыта, такая чувственность.

ТОМ. Вот, именно! От незнания всех этих проклятых жизненных подробностей, от всего это старого опыта. Все такое, новое и такое открытое, что и сам от этого открываешься и молодеешь лет на 20-ть как минимум, а то и больше.

СЮЗАННА. И так хочется прикоснуться ко всему этому. И так хочется овладеть этим всем. Хочется, просто стать этим всем.

ДЖЕРРИ. Да, вот именно! Хочется, чтобы это стало тобой, хочется, чтобы это была я. Такая свежая, такая неожиданная!

ТОМ. Да! Обладать этой свежестью. Тонуть в этой свежестей. Ощущать эту упругость. Эту эластичность, эту наивную нежность.

СЮЗАННА. Хочется, такой живой жизненной силы, такой жизненной наполненности, такой настоящей безопасности. Такой защиты. И наполняющей светом и теплом внутренней силы.

ТОМ. Уверенности в себе, которая происходит только из ощущения влюбленности в молодую жизнь.

ДАНИЕЛЬ. Эй, вы там поосторожней! Предупреждаю, все кто к ней прикасается, сгорает в огне ее лучей.

СЮЗАННА. Звезда Астра!

ДЖЕРРИ. Живая струящаяся жизнь. Навсегда.

СЮЗАННА. Льющийся поток. Навсегда.

АСТРА. Ой, я очень рада, что я вам так понравилась!

ДЖЕРРИ. Ты нам очень понравилась!

СЮЗАННА. Да, очень, очень!

ТОМ. Когда знаешь, что внутри тебя сияет звезда не страшно и умереть.

АСТРА. Да, вы мне тоже начинаете нравится. Вы такие милые!

ДЖЕРРИ. Астра!

ДАНИЕЛЬ. Предупреждаю, вы сейчас играете со огнем!

СЮЗАННА. Астра - такое красивое имя.

АСТРА. У тебя тоже красивое имя, Джерри. Ты счастлива?

ДЖЕРРИ. Нет. А ты, счастлива, Астра?

АСТРА. Сейчас мне, кажется, что да.

ДЖЕРРИ. Мне так приятно говорить с тобой, Астра.

АСТРА. И мне с тобой, Джерри.

СЮЗАННА. И мне с тобой, Астра.

АСТРА. И мне с тобой, Сюзанна.

ТОМ. Мне так нравится смотреть на тебя, Астра.

ДЖЕРРИ. Да, да, это очень, очень приятно смотреть на тебя!

АСТРА. И мне, сейчас уже тоже приятно смотреть на вас.

ТОМ. Астра!

АСТРА. Том!

ДЖЕРРИ. Астра!

АСТРА. Джерри!

СЮЗАННА. Астра!

АСТРА. Рада, тебя видеть, Сюзанна.

Все смеются чистым, светлым, радостным смехом.

АСТРА. Рада вас всех видеть, друзья!

ДЖЕРРИ. И мы тебе, очень рады!

ТОМ. Мы очень рады тебе, Астра!

СЮЗАННА. Да, очень, очень! Ты такая искрящаяся. Такая присутствующая здесь. Спасибо, тебе Астра.

ДЖЕРРИ. Да, да – спасибо тебе, Астра.

ТОМ. Спасибо, Астра. Спасибо тебе!

АСТРА. Ой, ну что вы! И вам! И вам большое спасибо, за то, что вы есть.

СЮЗАННА. Спасибо, за то, что ты есть, Астра.

ДАНИЕЛЬ. Эй, эй, вы сейчас сгорите заживо! Остановитесь!

АСТРА. Спасибо, вам за то, что вы есть!

ДЖЕРРИ. Это тебе, Астра, спасибо за то, что ты есть!

ТОМ. Спасибо за то, что ты есть, Астра!

АСТРА. Спасибо и тебе Пингвин-Том! Ты такой забавный! Ты счастлив, Том?

ТОМ. Нет, Астра, я очень несчастлив. Но, спасибо, за то, что спросила меня об этом. Это сейчас очень, очень важно для меня.

АСТРА. Спасибо, за то, что ты есть, Джерри!

ДЖЕРРИ. Спасибо тебе за то, что ты мне это говоришь, мне это сейчас очень, очень нужно. Спасибо, Астра!

АСТРА. Спасибо, тебе Сюзанна, за то, что ты есть!

СЮЗАННА. Спасибо, Астри. Это так важно для меня сейчас, это очень, очень важно. Именно сейчас! Спасибо, что позволила нам восхищаться тобой, Астри.

АСТРА. Ну, что вы! Мне очень приятно.

ДЖЕРРИ. Спасибо, что позволила нам соприкоснуться с тобой. Нам, так в последнее время этого не хватало. У нас этого в последнее время совсем, совсем не было. Совсем, совсем, слышь, Астри? Совсем, совсем. Так что, спасибо тебе!

АСТРА. Мне очень приятно!

ТОМ. И мне очень приятно, Астри. И нам всем сейчас, что бы там ни было, что бы там не произошло, какие бы не бушевали бури внутри пустой кастрюли, нам всем сейчас очень приятно, правда, ведь друзья?

ДЖЕРРИ. Да! Мне сейчас очень приятно! Спасибо!

СЮЗАННА. И мне очень приятно. Очень, очень!

АСТРА. Ну, видите! Нам всем очень приятно, это же так здорово!

СЮЗАННА. Это очень здорово!

ДЖЕРРИ. Это просто невероятно!

ТОМ. Невероятно!

СЮЗАННА. Просто невыносимо невероятно.

ДЖЕРРИ. Навсегда.

ТОМ. Навсегда.

СЮЗАННА. Навсегда.

ДАНИЕЛЬ. Ну, смотрите, я вас предупреждал!

Двери ведущие в кухню открываются, входит Бернард. Он весь перемазан кремом с ног до головы, его лицо тоже в креме. В руках он держит небольшую пластиковую канистру вишневого цвета.

БЕРНАРД. А вот, милостивые государи и торт с обещанной вишенкой. Добрый вечер!

Все с изумлением смотрят на Бернарда.

ДЖЕРРИ. Боже, мой, Бернард?!

ТОМ. Что ты сделал, Бернард?!

СЮЗАННА. Что случилось, Бернард?!

ТОМ. Дядя Бернард?!

БЕРНАРД. В прежнее время, лет сорок-пятьдесят назад, вишню сушили, мочили, мариновали, варенье варили, и, бывало... сушеную вишню возами отправляли в Москву и в Харьков. Денег было! И сушеная вишня тогда была мягкая, сочная, сладкая, душистая... Способ тогда знали...

ДАНИЕЛЬ. А где же теперь этот способ?

БЕРНАРД. Забыли. Никто не помнит.

Пауза.

БЕРНАРД. А теперь и время Вишневого человека подошло к концу. Так вот и закончился Вишневый человек. Вместе со всей вишневой эпохой разом, так вот

и закончился Вишневый человек. Прощай, Вишневый человек, ты закончился, навсегда. Совсем, совсем недавно, все это закончилось. Совсем, совсем недавно. Прямо сейчас. Навсегда!

В левой руке Бернарда «как бы» оказывается зажигалка, он подносит ее к канистре, - канистра «как-бы» взрывается, потому что в ней «как будто бы» был бензин. Бернард «как-бы» вспыхивает как факел, а с него огонь моментально «как-бы» переносится и на весь дом.

Как-бы пожар.

(И что очень важно – что это не настоящий пожар. Настоящего огня нет. Нет пламени, нет дыма. Все актеры будут играть, что дом объят огнем, но зрители не увидят огня, дыма и пламени. Это очень важный элемент пьесы, и его нельзя изменять – огня, дыма, пламени и прочая – нет, потому что дом уже сгорел. Прим. Авт).

СЮЗАННА. Мы горим! Мы горим! Пожар! Скорее, скорее!

ДЖЕРРИ. А!! Том, Даниель сделайте что-то! Мы горим!

ТОМ. Я вижу, что мы горим! Даниель, где у вас, огнетушитель?!

ДАНИЕЛЬ. Я уже умер, теперь ваша очередь умирать, не скажу я вам, где огнетушитель.

Астра бросается к «как-бы» горящему Бернарду.

АСТРА. Помогите! Помогите! Он же сгорит!

БЕРНАРД *(рычит от боли)*. Навсегдаааа!

Начинается паника. Кто-то бросается тушить «как-бы» пылающие стены и «как-бы» горящие занавески. Кто-то пробует помочь Бернарду, сбить с него «как-бы» огонь. Но пламенем «как-бы» охвачен уже весь дом.

СЮЗАННА. Помогите! Мы горим, помогите нам!

ДЖЕРРИ. Надо бежать! Выбирайтесь отсюда немедленно!

АСТРА. Мы сгорим! Ай! Помогите! Ой!

ТОМ. Бежим отсюда! Спасайтесь отсюда! Ой! А!!

ДАНИЕЛЬ. Я же вас предупреждал нельзя близко приближаться к звезде.

Бернард катается по полу и рычит диким рычанием, он «как-бы» сгорает в огне.

Все заблудились в «как-бы» дыму и не могут найти выход. Они начинают покашливать от «как-бы» дыма.

АСТРА. А! Где, выход?! Я ничего не вижу! Все в дыму! Ой! Где, выход?!

Помогите!

ДЖЕРРИ. Двери по краям комнаты! Бегите к стенам комнаты! Ой! А! Помогите!

ТОМ. Ничего, не вижу! Я кажется, теряю сознание. Помогите!

СЮЗАННА. Ничего не вижу! Помогите, мне! А! А!

Все начинают сильно кашлять и задыхаться. «Как будто» задыхаются от дыма.

АСТРА (*сквозь кашель*). Я задыхаюсь, помогите! Ой! Я горю! Mamочка! Ай! Спасите, я горю!! Аааааа!
ТОМ. Астра! Я иду к тебе, Астра!

Астра дико кричит она «как-бы» охвачена огнем. Том, бегаёт вокруг «как-бы» горящей Астры. И тут, его тоже «как-бы» охватывает огнем.

ТОМ (*кричит от боли*). Аааа! Я горю!! Ааа! Помогите, мне! Я горю!! Боль!! Аааа!

Корчится в страшных мучениях «как-бы» сгорая заживо. Рычит и хрипит как дикий зверь.

ДЖЕРРИ. Ой! Ааа! Спасите, меня я горю! Спасите, меня! Помогите!! Ааааа! Ой! Помогите, мне!

Джерри падает на пол и извиваться от боли «как-бы» охваченная огнем.

СЮЗАННА. Аааа! Ой! Огонь! Огонь! Я горю! Помогите! Спасите! Я горю в... Ааааа! Ааа!

Сюзанна так же падает на пол, корчится и извивается от боли «как-бы» сгорая в огне.

Астра, Том, Джерри и Сюзанна, катаются по полу, кричат дикими голосами, извиваются от боли. Они «как-бы» сгорают вместе с домом в огне. Даниель, стоит в стороне и спокойно наблюдает за происходящим.

Постепенно крики и стоны стихают, движения прекращаются. Все умирают, все «как-бы» сгорели заживо.

Пауза.

*Даниель, осматривается по сторонам, ища выход и выходит из гостиной через двери ведущие на второй этаж дома.
Затемнение.*

ГОЛОС. Уважаемые зрители, вы смотрели пьесу «Вишневый человек». Эпоха в которой писались и ставились на сцене подобного рода пьесы закончилась. Навсегда.

ЗАНАВЕС

Варшава, 17 марта, 2022 г.